

«Рассказ-газете» — 35 лет

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Не знаю, думал ли Александр Михайлович Акулинин, что его детище «Рассказ-газета» проживёт 35 лет. В 1991 году так далеко никто не заглядывал. Было время, когда тираж газеты доходил до 25 тысяч экземпляров, люди интересовались краеведческой литературой, которую мало кто издавал в те го-

ды. Но сейчас, когда книжный рынок в буквальном смысле слова наводнён всевозможной литературой, произошла её девальвация. И если раньше «Рассказ-газета» предоставляла площадку авторам, которым было сложно пробиться в официальные издания, то сегодня совершенно иная задача — поиск талантливых писателей и размещение литературных произведений, скажем так, приличного уровня. Чего греха таить, сейчас достаточно издать

книжку за свой счёт и гордо назвать себя писателем, которых несть числа.

«Рассказ-газета», нравится кому-то это или нет, против такой «художественной самонадеянности». Во всяком случае, на стадии подготовки очередного номера ведётся обсуждение и существенная доработка того или иного рассказа, эссе, миниатюры, этюда до «приличного вида». Получается это или нет, конечно, судить нашим читателям, но для нас важен сам принцип

существования. И по большому счёту дело даже не в качестве публикуемых художественных произведений, а в служении идеалам... Трудно сказать, сколько ещё проживёт «Рассказ-газета», вышел очередной номер — и слава Богу. Все эти годы газета выходила вопреки логике литературной жизни, да и жизни вообще.

Олег АЛЁШИН

РАССКАЗ-газета

Издаётся с 1991 года

Фото: Павел ВАСИЛЬЕВ

РАССКАЗ

делали меня почти самым несчастным. Мне действительно хотелось чувствовать себя несчастным, брошенным, и, может, сейчас, немедленно появятся волки, а их развелось очень много, и они заедят меня до самой смерти. Тут и заплакать бы — от жалости к самому себе, от собственной ненужности, но почему-то не плакалось...

И вдруг страдающее сердце моё будто сжалось в комочек, больно кольнуло. Оно раньше, чем уши, услышало напевное и тревожное «а-а-а». Почти сразу я угадал голос бабушки и забоялся за неё: «О чём это она кричит?» Боязнь прибавила сил, и я шибко поднялся из буерака и услышал слово целиком. «Шурока-а-а», — звала меня моя бабушка Хрестя. В голосе её смешались и жалостливость, и испуг, и ещё что-то, моему уму непонятное, но до боли трогашее сердце. Сквозь всю эту кучу нахлынувших чувств я ещё успел и удивиться: бабушка такая старенькая, немощная, а голос её заполнил всю округу, пробился через заросли лесопосадок и долетел до меня. Может, его, голос-то, больше никто и не слышит, он принадлежит только мне одному, он зовёт только меня. И я немедленно откликнулся:

— Бабушка-а-а...

И ужаснулся... Мой голос никуда не полетел: был слабенький, хиленький, он застрял где-то рядом... Вот тут я и заплакал.

А над зеленеющим лугом, над полями, забывая голоса жаворонков, летело тревожное: «Шурока-а-а».

Все моё маленькое существо было переполнено ответной тревогой и дроботой. Я, наверное, впервые осознал, как бабушка сильно переживает обо мне, как болеет за меня. И меня угнетало то, что я не могу немедленно ответить ей, утешить её...

Я забыл и про ношу в руках, и про ноги отяжелевшие, обливаясь потом, я бежал на голос любимой бабушки. У меня не осталось сил даже и на то, чтоб отозваться и тогда, когда был уже рядом. Я просто прильнул молча к бабушке Хресте, а она положила свои старые прохладные руки на мою разгорячённую голову.

— Слава Богу, — сказала со слезами в голосе, — а я уж подумала — утоп ты где...

Больше ничего не слышал, я уснул, казалось, на мгновение, но очнулся уже на кровати. Дядя Лёня ерошил мои волосы и, улыбаясь, приговаривал: «Обед проспишь, рыбачок». Дядины руки приятно пахли Васьком, так звали мерина, на котором дядя пасёт коровье стадо.

За столом шёл серьёзный разговор про огород, про то, где раздобыть семян... А рыба была, как самая вкусная еда, и мне хотелось в подробностях рассказать о рыбалке, но я молчал. И лишь когда заговорили о картошке, важно пообещал, что принесу два буханки картофеля семенных, и, может, их хватит на целую борозду.

— Большой ты стал, — почему-то с горестью сказала бабушка.

— Быстро растёт, — скороговоркой добавила тётя Шура.

— Видал их, только заметили, — подмигнули мне дядя Лёня.

И я поверил в то, что действительно большим стал.

После обеда, не раздумывая, влез на пугавший ранее вяз — и дух захватило! Я увидел грача, летевшего ниже меня. Его воронённый цвет переливался при взмахе крыльев — это было диковинно хорошо для глаз моих, и сердце трепетало от чудного видения... Едва не свалился с дерева: мной овладело неодолимое желание полететь. И была уверенность в реальность полёта! Я не знал куда, зачем, но лететь, лететь! И чтоб дядя Лёня, тётя Шура увидели меня с земли и сказали моей бабушке Хресте, как высоко я взвился...

Куда-то хотелось лететь

Александр АКУЛИНИН

Однажды, как-то вдруг, совсем совсем неожиданно я испуганно, но радостно очнулся. А случилось это в солнечный день ранней весны. Уже схлынули полые воды, и молодая зелень, встрепенувшись, дружно украшала землю. Подсыхали свежепроторённые стёжки: грязь уже не липла к подошвам обуви, а так это мягко, будто круто замешанное сдобное тесто, туго переваливалась под ногами. Для полной ласковости ей не хватало теплоты — земля ещё помнила недавние морозы.

Именно по такой стёжке почти бегу в соседнее селение за три километра, в Казинку, к бабушке Хресте! Дорога то лугом, то полем пустынно, но мне не страшно: травы крошечные и я над ними «очень большой». Да и кому я нужен — ни к пользе, ни во вред...

Бабушка моя старенькая, плохо видит. Живёт с дядей Лёней и тётей Шурой. Живут они без коровы, а это значит — бедно. Я переполнен радостью — иначе-то как же — несусь горшочек парного молока в гостинец и ещё маленькую «булку» масла. Свеженького, утром отец сбил в пахтуске. Он не любит масло пахтать, но что ещё-то ему под силу? Слепой он у меня, с войны, которая, как жется, только вчера и закончилась.

Хорошо жаворонки поют! Будто стеклянные звонкие свёрлышки в небо ввинчиваются. Так и верится — вот-вот сверху искристые стружки со звондой посыплются. И вдруг, почти взаправду, услышалось, но я скоро определил — это не стружки посыпались, это Каля тётки Еленин поёт. Голос у него весёлый, а песню поёт грустную: «Эх, в Таганроге, эх, в Таганроге солучилась беда. Эх, там убили, эх, там убили молодого казака...»

Песня издаലെка приплывает, и мне не видно, где это Каля и делает что он... Но мне всё равно тепло и спокойно: потому как знаю — уж если не весь путь,

то половину наверняка песня рядом со мной по стёжке бежать будет. А с ней, что ни говори, и километры куда короче.

Бабушка сидит подле самановой своей избы и щурится подслеповатыми глазами на солнышко, а рядом с ней огромный вяз. Он такой могучий, высоченный, что я боюсь его, а так влезть по его сучьям на верхотуру хочется. Про вяз бабушка рассказывает, что он уже две жизни её изжил, а вон какой боевой.

Меня бабушка пока не видит, а мне уж совсем невтерпех.

— Бабушка! — кричу издали, захлёбываясь в радости.

— Никак Шурок бежит? — всплещивает старушка руками и ищет меня взглядом. Но я знаю, она не видит мою тощую фигурку: когда подойду совсем близко, тогда...

А когда я подхожу, она уже журит с любовью:

— И где ж ты запропастился? Позабыл старую насовсем. Тут все обловились рыбы-селявы, мне бы хоть ложечку кто на покушку принёс...

Она встала со скамеечки, я утыкаюсь ей в живот, мне очень жаль совсем заброшенную бабушку, и я почти со слезами обещаю, что не пройду и часу, как наловлю ей целый мешочек селявы и мы приготовим большую сковородку со свежим сливочным маслом. На последние слова бабушка возражает, мол, жирновато с маслом-то. Селявка сама по себе жирнющая, и если уж чего и добавим, так это ложку-другую молока.

Решето — инструмент для ловли, холщовый мешочек наготове, видно, и вправду меня ожидали.

И вот, малость отдохнув, я шагаю в Петровский буерак, по дну которого струится светлый журчливый ручёёк. Летом он почти всегда пересыхает, а в полую воду куда как шустёр: все кочки обегает, бурунчики крутит, водопадики роняет. Именно в таких местах и собираются мелкие рыбёшки: плотвички, пескарики. На селе им одно название дано — селявка. Её не надо ни чистить, ни потрошить: маленько обсолить — и на сковородку. В эту пору, когда зима силь-

но подобрала все осенние запасы, такая дармовая еда очень даже кстати.

Меня мечты одолевают: наловлю полный мешок, наготовим с бабушкой! Я всё-таки обману её и украдкой положу кусочек маслица. Придут на обед дядя Лёня с тётей Шурой, а у нас пир горой!

Но рыбёшки, видно, настращенные многочисленными рыбачками до меня, очень пугливы, пока я подкрадусь с решетом, они почти все «разбегаются». Мало какая зазевается да в решете заберётся серебриночкой. А меня азарт одолел и упрямое желание — непременно полный мешочек наловить.

Всё дальше и дальше ухожу по течению, а берега всё выше и выше, круче и круче. Солнце до дна буерака едва-едва достаёт. И, наконец, от сумрака рыбки похуже видят меня и ловятся пообильнее. И один раз я зачерпнул почти половину решета серебриного цвета. И счастье, и испуг! Только-только осознал, как далеко я ушёл... Радость от удачи взяла верх. С лёгкой, но боязнь заторопился к бабушке. Только ноги почему-то сделались тяжёлыми, набухшие от воды решето и сумка с рыбой тоже необыкновенно потяжелели, и ни с того ни с сего спать захотелось. Движеньё моё сделалось вялым.

Наверное, увидев меня, наш сосед дядька Митрий сказал бы: «Чёй-то совсем разгубастился, соседик?» Так он меня величает, подчёркивая, что я до «соседа» не дорос: пока ещё «соседик».

Вообще-то не обижаюсь на дядю Митрия, но теперь почему-то слова его, точно вперые сказанные, рассердили...

«Конечно, я маленький, можно меня и обидеть, и издеваться всячески...» — такие или примерно такие словечки закопошились в моей засыпающей голове, и они

ГОСТЬ НОМЕРА

Игорь ПАНИН

Поэт, публицист, волонтер, военкор. Родился в 1972 году в Воронежской области. Автор нескольких книг стихов, публиковался в журналах «Континент», «Дети Ра», «Крещатик», «Дружба народов», «День и Ночь», «Нева», «Зинзивер», «Сибирские огни», в газете общественных организаций МИД РФ «Наша Смоленка» и др. Долгое время работал в «Литературной газете», был обозревателем, возглавлял отдел литературы. Лауреат спецприза имени Константина Симонова Национальной литературной премии «Слово». Игорь Панин — автор проекта «Буханка для Донбасса», награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Мобилизация

Шумно переулками, дворами, так напоминали салажат, шли вчера, смеялись и орали, а теперь и новые спешат.

Только подойдя к военкомату, разложив баулы у дверей, закулив и выболтавшись матом, все они серьезней и мудрей.

Доблести напрасной не бывает, каждый для чего-нибудь рождён. Нам расскажет пресса фронтовая, как они там лезли на рожон.

И поймём из сводок образцовых, что не всем ребятам повезло; жалко, что не знали мы в лицо их, не узнать и общее число.

Но воздать ещё придётся дань им: и кому-то — крест, кому — звезда; лишь не нужно мутных оправданий, ибо правы раз и навсегда.

Вот они — наивны и чудесны, многого ещё не знаяши в толк, под ногами не увидев бездны, выполняют непривычный долг.

Тяги нет к чужому каравану, просто слишком дорог свой уют. На войне обычно убивают, но не всех, конечно же, убьют.

Бодро переулками, дворами или и шли, и вот опять они гомонят беспечно утром ранним... Господи, спаси и сохрани!

Я впереди, а взрослые отстали, какой-то праздник, лозунги, шары; исследую подошвами сандалий неровности асфальтовой коры. В толпе немудрено и затеряться, но не боюсь, да тайне и хочу. Мне на пломбир дадут копеек двадцать и дружески потреплют по плечу.

Но странная тревога подступает, когда уже не радует игра. Пусть бедная, однако не скупая провинция гуляет до утра! И матюги с завидным постоянством, и мордобой словам таким вослед; советское отчаянное пьянство мы ясно постигали с юных лет.

А выйдя на прогулку в девятьсотых, нашли в кустах заманчивый Royal... Я представляю пыльные повозы и пью за тех, кто всё же устоял. Тому ещё дана была закладка, а тот и отводить не думал взгляд... Ровесников не то чтоб очень жалко, но праздники меня не веселят.

НАШИ ПАРТНЁРЫ:
адвокатское бюро
«Селиверстов
и партнеры»,
торговое
предприятие
«Моя книга».

ГОСТЬ НОМЕРА

Дмитрий
ЛАГУТИН

Родился в Брянске. В 2012 году стал выпускником юридического факультета БГУ имени академика И. Г. Петровского. Живёт в Брянске. Лауреат премии «Русские рифмы», «Русское слово» в номинации «Лучший сборник рассказов» (2018 год). Лауреат премии журнала «Нева» (2021 год). Победитель международного конкурса «Гайто» (2023 год). Тексты опубликованы в изданиях «Знамя», «Наш современник», «Москва», «Новый берег», «Волга», «Нева», «Юность», «Урал» и др. Рассказы переведены на китайский и немецкий языки. В настоящее время возглавляет отдел прозы в журнале «Наш современник».

Фото Павел ВАСИЛЬЕВ

Гнездо

Дед стоял за печь горой. «Не позволю!» — стучал он кулаком по столу и грозил длинным крючковатым пальцем. Отец хмурился, тёр виски, но против деда не шёл. Мать не вникала.

Печь занимала треть кухни — белая, тёплая и мягко-шершавая, будто наметованная. Гости шарахались от неё, боясь за пиджаки и свитера. Дед смеялся над ними и хлопал по тёмным бокам, демонстрируя чистые ладони.

На печь можно было забраться — по узенькой лесенке сбоку — и устроиться под самым потолком на цветастом одеяле, в горячем и сухом «гнезде». Так говорил отец. Из гнезда можно было наблюдать за происходящим на кухне — например, за тем, как кот пытается стащить со сковороды отбивную, а мать гоняет его полотенцем, или за тем, как спорят затемно отец и дядя, поглощая в жутких количествах терпкий чёрный чай. Дядя шевелил усами, горячился и яростно жестикулировал, а отец откидывался на стуле, складывая руки на груди и посмеивался. В гнезде можно было дремать, укутавшись, можно было прятаться ото всех, вжавшись в стену и затаив дыхание, можно было листать истрёпанную, пыльную книгу.

А дед в гнезде слушал радио. Зайдёт на кухню; подмышкой личное сокровище — древний увесистый радиоприёмник под дерево с вытягивающейся вверх антенной и отломанным регулятором громкости. Повертит головой, покажет, вытянет из хлебницы пару су-

харей. Потом вздохнёт — и давай карабкаться по лесенке. Охая, ахая, хрустя суставами, устроится в гнезде, завернётся в одеяло, поскребёт бороду, щёлкнет приёмником и прижимает его к уху — иначе не услышать ничего. Чинить не даёт, боится. «У вас, — говорит, — руки кривые. Вам такой тонкий инструмент доверять нельзя».

— Выкинь ты свой тонкий инструмент, батя, — смеётся отец, — рухлядь же. Мы тебе новый купим, японский.

— В голове у тебя рухлядь, — отвечает дед, — а радио не трожь. В японском души нет, а сей мне прилибился уже.

Отец всё смеётся, не спорит. По негласным правилам деду касательно гнезда предоставлялось безусловное преимущество. Если он заставал на печи нас с братом, то шикал, делал страшное лицо — и мы исчезали.

Радио дед мог слушать ночью напролёт. Покрутит ручку, найдёт волну, прижмётся к коробке — и замирает. Тогда кругом него хоть земля трясись, ничего не видит. Дядя зайдёт, поздоровается, а дед не отвечает — весь там.

Ночь на дворе, свет погасят, тихо; только и звуков что кот ворочается в углу,

в печи что-то потрескивает, да дед сопит из-под потолка. А то возьмёт да и захрапит — раскатисто, с переливами. Отец тогда выходит из комнат, расталкивает старика, уговаривает перебраться в постель. Дед спросонья ворчит, но соглашается — сползает по лесенке, ковыляет к себе.

Однажды зимой, ближе к вечеру, спрятался я в гнездо. Выжидаю. Зашла мать, помыла посуду. Постояла у окна. За окном яблоня, за яблоней сарай, за сараем забор, а там небо в облаках. Солнце заходит уже, выглядывает из-за забора, разливается огнём. Всё белым-бело, на сарае снежная папаха. Облака ну прямо горят. Хорошо. Мать постояла-постояла, да и ушла.

За окном пробежал с соседскими мальчишками брат. Летят снежки, слышен хохот. Я жду.

Появился кот. Прошагал деловито до обеденного стола, запрыгнул, обнюхал. Перебрался на подоконник, уселся носом к стеклу — наблюдает.

В печке трещит тихонько. Солнце — за забором уже, а облака всё горят. Жду. Зашёл отец, выпил воды, сел у окна. Потрепал кота по спине, пробормотал что-то задумчиво. Уходя, подмигнул мне. Конспирация провалилась. Но это отец, от него не спрячешься.

Жду деда. Над забором небо ещё пылает, но выше — густая синь. Яблоня гладит голыми ветвями крышу сарая, на папаче остаются борозды. Кот сидит неподвижно, наблюдает за редкими снежинками, которые ползут сверху вниз. Я наблюдаю

за котом. Наблюдаю, наблюдаю, да и засыпаю, размякший от тепла и тишины.

Просыпаюсь от голосов. — Не позволю! — скрипит дед и стучит кулаком.

Он сидит на табуретке и вертит в руках приёмник. Горит лампа, за окном темно. Напротив деда сидит отец, пьёт чай. От чая выются ниточки пара, отец дует на кружку, цедит понемногу.

— Батя, — басит он, — ну на что она тебе?

— Не позволю, — бубнит из-за борозды дед. — Вот помру — хоть весь дом разбейрайте.

— Так ведь и соседи уже смеются, ни у кого такой нет.

— Пуцай смеются.

— Что ж ты так упёрся-то?

— Захотел и упёрся. Твой дед эту печь ставил, душу вкладывал. Погляди, как мальцам она по душе, — тычет пальцем на меня. Я юркаю обратно.

Отец вздыхает.

— Чудак ты, батя, стал, — говорит, — совсем чудак.

Дед не отвечает, вертит приёмник. Потом зевает, встаёт и шаркает к печи.

— Слезай, шалупонь.

Я тру глаза и соскальзываю вниз. За мной увязывается кот, пытается прошмыгнуть в комнаты. На пороге оборачиваюсь и вижу, как дед жмётся ухом к приёмнику. Его лысая макушка, голая и ровная, как шар, блестит в свете лампы.

Кот воспользовался моим замешательством и просочился-таки вглубь дома.

Той ночью меня разбудил грохот — дед, слезая с печи, оступился и упал с лесенки.

Сломал руку. Пока отец собирался и грел машину, дед сидел на кровати и тихо постанывал. Мать кружилась вокруг него, поднося вещи, воду, помогая влезть в куртку.

Вошёл в комнату отец — в верхней одежде, не разувшись.

— Марш спать, — приказал он нам с братом.

Взял деда под локоть и повёл в коридор.

Когда они уехали, мать зашла к нам и сказала:

— Я к соседке. Ненадолго. Спите или со мной пойдёте?

Мы к соседке не хотели.

— Ты за старшего, — сообщила мать брату и ушла.

Водарились тишина. В комнате деда горела лампа, и у нас, с открытой дверью, было совсем светло. Я не мог спать. Ворочался, мял подушку, а потом тихонько встал.

— Ты куда? — спросил сквозь сон брат.

— В кухню, — и я зашлёпал босыми ногами по полу.

Из-за окна лилось сквозь занавески холодное белое сияние, но в кухне всё равно было темно. Я зажёл абажур и уселся за стол. В печи тихонько трещало. На подоконнике, свернувшись калачиком, дремал кот. В углу, под табуретом, лежал одиноко приёмник с погнутой антенной.

Я поднял его, приложил к уху — шипит неразборчиво. Погасил абажур, сунул приёмник под мышку и полез на печь.

В гнезде было по-обычному жарко и сухо. Я вжался в угол и поднёс приёмник к лицу. Его пересекала белая полоса с цифрами и чёрточками. По полосе, если крутить ручку, полз маячок. Я принял двигать его вправо-влево, то и дело прислушиваясь. Звук был ужасно тихим — ничего не разобрать. Наконец маячок добрался до какой-то заветной чёрточки — и до моего слуха донеслась более-менее отчётливо музыка. Я приник к гладкому пластиковому боку. Пели про пальмы, море и закат. Кухня плыла серебряными бликами, мерцала таинственно. Меня здорово разморило, я поднянул к подбородку одеяло и укутался в него.

После песни про пальмы диктор со смешной фамилией принял голосом моетонным голосом читать историю про какого-то мальчика, которого везли через степь в город. Мальчик сперва ехал не хотел и плакал, а потом только скучал и бродил по округе на привалах, а вокруг него суегились какие-то люди — приятные и не очень.

В глубине печи потрескивало, где-то в противоположном углу кухни завёл свою песню сверчок.

А мальчик всё ехал и ехал в своей телеге. День сменял ночь, вокруг кричали птицы, лаяли собаки, разговаривали, считая деньги, люди. Я сперва слушал внимательно, потом куда-то поплыл, — и не заметил, как уснул. Снилось мне, что я еду через степь и рядом со мной сидит дед. Он то и дело поворачивается, улыбается из-за бороды и показывает торжествующие ладони — то ли чтобы продемонстрировать их чистоту, то ли чтобы сказать, что с рукой у него всё в порядке. Степь застелена ровным слоем шуршащей травы, вдалеке темнеют на фоне неба холмы. С неба тянется редкий снежок, тает, не касаясь земли.

Наутро отец привёл домой рабочих — и они в два дня разобрали печь. Нам с братом до слёз было жаль тёплого гнезда — и мы плакали, сидя у деда на кровати. Дед здоровой рукой гладил нас по головам и бормотал что-то ободряющее.

ЭТЮД

Утро

Елена
НАЙМУШИНА

Когда стихал ветер, она не могла усидеть дома, шла бродить по улицам города. Утренний туман, оставляя росу на траве, пятился к набережной, поплутав в камыше, опускался к воде. Город, погружённый в сонную лень, в этот час свеж и тих, только редкие звуки рождают эхо. В тиши раннего утра Леонида надеялась унять своё беспокойство, но в голове снова и снова всплывал вчерашний день: «Тая опять скандалила, а Гриша мог бы и промолчать». Муж Григорий любил её так, что всё за неё решал. Сделал предложение стать его женой, она от удивления согласилась. Уже после замужества почувствовала, что он дорог ей, близок.

У музыкального училища, окна которого подоконниками первого этажа лежали на асфальте, а высокие окна второго этажа ещё напоминали о прежнем ве-

личии здания, она присела на лавочку, услышав звуки фортепиано. И тихо, будто стыдливо, зазвучал низкий женский голос. Постепенно, обретая силу, он взбирался вверх, замирая и вновь лился уже спокойно, затихая грустью. Лесен стихло, Леонида поднялась и пошла вдоль улицы. Вспомнила певчих в церкви, куда её привела сестра Тая. Белоснежная церковь стояла на возвышенности, казалась полной невестой в солнечной фате. Голоса певчих вздымались ввысь, дотягиваясь до закопчённого свечным нагаром потолка.

Таисию она привыкла слушаться с малолетства, и когда та сказала: «Надо покреститься», не противилась, надо так надо. Хотя невдомёк ей было, как Тая, пережив пионерско-комсомольское прошлое, вдруг уверовала, стала молиться и соблюдать посты. Из детства о религии Леонида помнила только маленькую икону, которую бабушка прятала в ящике комода под полотенцами. Приняв крещение, она вслушивалась в себя, искала, что изменилось. Гриша верил только в то, что мог видеть своими глазами или потрогать ру-

ками. Появление Григория Тая приняла спокойно, рассудив: «Мужик в доме нужен, да и жильё своё имеет», а он, в свою очередь, был готов помогать ей по необходимости, но командовать собой не позволял. Недовольство друг другом выливалось в упрёк Леониде: «Лерка, ты мужика своего не распускай. Ишь, гусь какой», «Твоей сестре заняться нечем? Только глаза открою, а она вот уже, на пороге. Губки в обиду сложит и шипит». Иной раз доходило до ругани. Пометавшись между ними, Леонида замиралась в ванной, открывала воду и беззвучно рыдала: «Прямо-таки войну за меня творят. Зачем? Что делать-то мне?» Каждый требовал своего, а она хотела... Что она хотела, никто и не слушал. В такие моменты она искала уединения, петляя по улицам города, не видя ничего вокруг, но избавиться от внутренней тревоги не получалось.

Не заметила, как забрела на старую улицу с частными домами. Навстречу, поодиночке и группами, шли люди, сворачивая в открытые настежь ворота, она последовала за ними. На ограде висела

Фото Павел ВАСИЛЬЕВ

афиша, приглашавшая на концерт органной музыки. Леонида взглядом выискивала знакомых, но никого не увидела. Двери костёла отворились, люди входили и рассаживались на скамьях. Она не хотела сидеть в тесноте, касаясь чужого плеча, встала у входа, прислонившись к стене, смотрела на цветные лучи солнца, льющиеся из витражных высоких окон. Пылился томный, словно усталый голос органа, сливаясь с разноцветными

бликами, придавал таинственность происходящему.

Леонида тихонечко вышла на крыльцо, села на ступени, вытянув ноги, закрыла глаза. Орган дышал, она слушала, чувствуя спокойную лёгкость. Поднялась, дошла до ворот, оглянувшись на костёл: «Вот ведь, сам небольшой, скромный, один в городе среди церквей, а стоит гордо, тычет шпилем в небо» — и неторопливо пошла домой, к своим.

РАССКАЗ

Бешенство

Татьяна
ГРЖИБОВСКАЯ

Терпение Тома закончилось. Сколько можно? Она и швец, и жнец, и на дуде игрец в их семейном магазине. Мало того, что с утра до вечера на ногах за прилавком, так при случае и коробки с продуктами ей приходится разгружать, чтоб деньги сэкономить. А вечером всё перемыть, перетереть, расставить. Кассу сдать. А Толик что? Ну да, он, конечно, мастер-золотые руки, всё умеет, кран починить, проводку заменить, и безотказный, всегда рад помочь соседям за небольшую копеечку, а бабushкам и дедам так и вовсе задаром. А ей-то что от его благотворительности? Заглянет в магазин, как ясно солнышко — «Ну чо, всё путём? У меня дела!» — и с ветерком на шабашку, куда-нибудь в пригород, где богатенькие дворцы строят и хорошо угощают. Вот в этом вся соль — ладно уж, если бы вот так и дальше вдвоём в одной упряжке по жизни, так ведь пьёт, проклятый, в отключку, вдрабадан. Сам же Михаила Задорнова и цитирует, и ржёт над такими же алкашами, только от угощений не отказывается, и никакие уговоры не помогают, что, мол, пора остановиться, до добра выпивка не доведёт. А как уйдёт Толик в запой, так туши свет. В дом не зайти — дух адский, до тошноты и головокружения, будто химоружие применили, а хозяин точь-в-точь — кабачок, прихваченный морозом на грядке, водянистый, вонючий, противный.

И на что он такой? И стали мысли Тому посещать греховные — да уж помер бы, что ли. Но вначале она решила попробовать учинить скандал. Не первый, конечно, но ещё один, самый последний. Она мысленно даже попрочитала жалостливо, как обычно делают женщины, в душевных муках принимая решение, что-бы сдвинуть дело с мёртвой точки: «Всё же таки муж, столько лет прожили вместе, всё ж таки человек, да и неплохой совсем, когда не пьёт».

Пришла Тома с работы, как обычно, поздно вечером. Тишина. Муж не вышел ей навстречу, как повелось, чтоб курточку помочь снять, расспросить, как день прошёл, и любимый кот не мяукал в знак приветствия.

В гостиной люстра празднично полыхала, а возле пухлого дивана лежал на полу и храпел на всю ивановскую Толик, прям в своём серо-синем рабочем комбинезоне. Шёки его, бледные, отёкшие, будто подкачаные, как у возрастной модницы ботоксом, вспрыснутым под кожу, и оттого неестественно гладкие, раздувались и вздрагивали при шумном прерывающемся вдохе и спалили при выдохе с присвистом; из угла приоткрытого рта на ламинат текла струйка слюны. Одной рукой муж нежно обнимал ополовиненную бутылку водки, другой сжимал в пятерне покрывало — видно, как скатывался с дивана, так за собой и утащил.

Пушистый кот Мурзик спал рядом, свернувшись калачиком и прикрыв кончиком чёрного хвоста белую морду, и вздрагивал во сне, издавая звуки, похожие на стоны. Здесь же валялся обкусанный шматок краковской колбасы.

Тома взорвалась. — А ну, встань! Кот Мурзик немедленно вскочил и удрал из комнаты. Толик открыл один глаз, посмотрел рассеянно на жену, аккуратно и нежно поставил неподпитую бутылку рядом, выпустил из рук покрывало и неловким движением вытащил из-под головы хрустальную пепельницу.

Фото: Павел ВАСИЛЬЕВ

— Что это? А-а... всю голову отдавила! — проворчал он. — А ты что орёшь? Никакого спокойствия.

Болезный с кряхтеньем приподнялся, сел на полу, ещё не вполне очухавшись от резкой побудки, прощупал ламинат руками и наткнулся дрожащими пальцами на обгрызенный кусок колбасы.

— А этот охломон... Ты когда-нибудь видела, чтобы он колбасу жрал? А сегодня стянул со стола кусман... оставил меня без закуски, кошачье отродье.

— Вставай, говорю! — настаивала Тома. — Глаза б мои не видели всё это безобразия.

Толик, хмельной и расслабленный, хмыкнул: — Ага, тебе не нравится, что я дрыхну, так я могу и по-другому... Он неуклюже поднялся, постоял, пошатываясь, будто проверяя крепость опоры под ногами, потом, что-то бормоча себе под нос, пошарил по дивану и отыскал мобильный телефон, покопался в экране, и неожиданно в комнату ворвалась музыка группы «Битлз»: «Hey Jude, don't make it bad».

— Потанцуем! Всё не так плохо! Толик схватил в охапку Тому и потащил по комнате в пьяных пируэтах, хихикая и откашливаясь, разбрызгивая слюну.

— А такой нравился? Нравлюсь? А ведь когда-то нравился! Когда-то это у нас хорошо получалось! Танцуйки, вечеринки!

— Отпусти! Совсем умом тронулся! Когда же это закончится! — выворачивалась из объятий мужа Тома.

А Толик распался, всё крепче прижимал супружницу к себе, всё смелее раскачивался из стороны в сторону, косолапо следуя ритму, до тех пор, пока не завалился на диван, а вместе с ним и Тома. И тут Тома не сдержалась и принялась колотить мужа по плечам, по спине, по рукам, по бокам своими маленькими, но крепкими кулачками.

«NAA-NA-NANANA-NA!..» — вошла в кульминацию голоса легендарной четвёрки.

— Да сколько же можно! Никакой жизни! Сколько можно пить! Утроба твоя ненасытная! Вся жизнь мне испоганил! Чтоб тебя! — перекрикивала музыкантов Тома.

Внезапно музыка оборвалась. Толик взял телефон в руку и на лице его выразилось сожаление: — Эх, заря-а-дка сдохла.

Бойцовский запал Тома тоже закончился, секунду она посидела рядом в молчаливом отчаянии и отправилась в ванную, всхлипывая.

Толик растянулся на диване, сложил руки на груди и усталился в задумчивости в потолок. Он давно понял — ничего не вернётся, не исправишь, а потому выбирал равнодушное спокойствие. Как там? «Женщи непременно... Станешь философом». Знал тот чувак, что говорил. А жена... Что — жена? Побесит-ся и утихнет.

Кот, который во время танца с зажигательными ритмами носился из угла в угол комнаты, жалобно мяукая и кидаясь под ноги хозяевам, в этот момент вдруг заскочил на спинку дивана и, широко раскрыв пасть и подавшись вперед, вырыгнул на Толика поток пенящейся слюны.

— У-М-м-м-rrr-и!!!

В тот же момент Мурзик прыгнул ему на живот и вцепился зубами в запястье.

— А-а-а-а!!! — подскочил протрезвевший от боли Толик и отшвырнул кота. Мурзик совершил акробатический трюк, долетев до противоположной стены, оттолкнулся от неё четырьмя лапами и бумерангом вернулся к хозяину, его зубы опять вонзились в то же запястье. Слюна, извергаясь из пасти кота, пузырилась, как пена из пожаротушителя, и покрывала морду животного, руку человека, смешивалась с кровью, сочившейся из ранок, и бело-розовыми пенными комьями падала на пол.

— Mr-p-y! Mr-p-y!.. — сдавленно рычал Мурзик, будто на шею ему накинули удавку.

Толик схватил кота за шкуру и безуспешно пытался высвободить перепачканную кровью руку, скривившись от боли и брезгливости.

— Да чтоб тебя, ше-е-льма!!!

На вопли прибежала Тома. Увидев повисшего на окровавленной руке мужа разъярённого кота в пене, она воскликнула: — Вот! Я же говорила! Даже кот не выдержал, с ума сошёл от твоих пьянок! Так тебе и надо! Будешь знать, как напиваться!

И набросила на обезумевшего кота покрывало. Несчастный Мурзик, оказавшись в темноте, разжал челюсти.

Сверкнув гневно глазами в сторону стонущего мужа, она унесла обезвреженного агрессора в коридор, достала из кладовки переноску, затолкала в неё спелёнутого Мурзика. Оделась и, выходя из квартиры, крикнула: — Дверь закрой! Я в ветеринарку. Бинт и зелёнка в шкафу на кухне. А вернулась уже одна.

— Толик, а, Толик?

Толик с обмотанной бинтом рукой сидел на кухне и допивал терпкий горький зелёный чай.

— Ну, что там? — откликнулся он.

— Толик! — облокотилась на стол-як двери Тома, вытирая слёзы трясущимися пальцами, — нет больше нашего Мурзика!

Толик посмотрел на жену и будто первый раз её увидел — беспомощную, хрупкую девочку, нуждающуюся в поддержке. Но он буркнул, как привык за много лет: — Да что случилось-то? Это он меня покусал, а не я его!

— Да-к вот и покусал! У Мурзика бешенство выявили. Тебе в больницу надо, прям завтра с утра.

Тома подошла к столу, взяла его кружку и отпила глоток.

— Опять чифиришь! Ни в чём меры не знаешь! — с горестным упреком выдохнула она.

— Я так и думал! — воскликнул Толик. — Говорю же, колбасу он никогда не жрал, и вдруг! Конечно, бешеный! Я сразу так и понял. И что теперь?

— Помнишь, недели три назад мы тоже от души поссорились, а форточка открыта была. Он и рванул на улицу. А не привитый ведь. Помнишь, вернулся с разорванным ухом? Потом всё прятался да спал. А мы и не подумали... может, его бешеные коты подрали. А сегодня такой взрыв... И спасти Мурзика уже нельзя, — Тома села, как была в куртке, за стол и залилась слезами, положив голову на скрещенные руки. — А тебе к врачу, уколы какие-то делать...

Толику стало её жалко, да и слёз он терпеть не мог.

— Ладно, Томка, пойду завтра к врачу, как скажешь, а сегодня держись от меня подальше. А то вдруг я... заразный!..

Тамара с удивлением взглянула на мужа — ему бы всегда спорить, а тут согласился вдруг. Горячая волна давно забытого чувства нежности вперемешку с вспыхнувшей надеждой на понимание кольхнула и заставила сердце сбиться с ритма.

С губ Тома, превратившейся на мгновение в ту, влюблённую и любимую, какой была она двадцать лет назад, слетели давно не звучавшие в этом доме слова: — Толик, а я красивая?

Толик, будто ждал вопроса, подскочил со стула, так что опрокинулась кружка с остатками остывшего чая, обхватил Тому руками, прижал к себе. Что-то быстро говорил, вдыхая мятный запах шелковистых волос. Тома не разбирала слов, да и не всё ли равно, если преграда, разделившая их давным-давно, вдруг дала трещину.

Назавтра Толик отправился в больницу. «Всадили укол, болющий, руку поднять не могу, почти инвалид, но ты ведь меня не бросишь?» — написал он жене сообщение.

Старшая медсестра, неразговорчивая женщина пенсионного возраста, под руководством которой молодёжная практикантка из училища промывала Толику рану и накладывала повязку, отдавая выписку, строго сказала: — Мы тебя закодировали.

— Эт-то как? — удивился Толик.

— А вот так. Инъекции от бешенства с алкоголем несовместимы, действуют как код. Тебе ещё вон сколько их надо сделать! По схеме. Смотри! Нарушишь инструкцию — пожелтеешь, пожеленеешь, до цирроза один шаг!

Толик и не возражал. И к окаанной больше не прикасался. Совестно ему перед Мурзиком было.

ЭТЮД

Древний город

Анна
СКОТНИКОВА

Посвящается
коллегам-юристам
кафедры граждан-
ского права
и процесса НовГУ
имени Ярослава
Мудрого

Осенние листья расставались с ветвями легко. Едва ощутимый ветер, возникая вдруг, из ниоткуда, поднимал листву, и она летела вверх, как в невесомости, казалось, в самое небо. Исчезнув так же вдруг, как и появившись, словно дыхание, ветер позволял листопаду подчиниться извечным законам земного притяжения. Вот уже вся аллея укрылась лиственной столетних дубов.

Древний город надёжно был скрыт от оживлённых дорог, и лишь каменный мост мог впустить путников, гостей и жителей к себе. Дубовые кроны стройной аллеи тщательно прятали размах крепостных стен. А стены, сколько хватало горизонта, уходили в противоположные стороны, как бы обнимая парк и храмы. И лишь при близившись, подойдя к самому обрыву рва, всё так же, как и века назад, глубоко, можно было осознать всю неприступность кремля.

...Мощёная камнем дорога через парадные ворота приводит к соборной площади. Святая София настолько прекрасна, что даже в дождь купола отдают свой блеск сотнями бликов мокрой площади и тропам, ведущим от неё далее. Красота — это то, что стоит через испытания. И невозможно понять, как рукотворное дело человека, пусть даже такое монументальное в своей мощи, смогло выдерживать самое поразительное — время. Музеи остались музеями, а храму позволили снова стать храмом.

Тысяча лет истории России, вместились в обхват гигантского колокола, по-прежнему собирает горожан и уводит по тропинкам в парк и дальше, к торговой стороне, к берегу великой реки.

Всякий, кто станет осмысливать свои нежные чувства к водным пейзажам, наверняка расскажет вам, как «играет на солнце речная гладь». Но только не здесь путник это увидит. Где угодно в России, но не здесь. По преданию, даже в древности реку называли «мутной». Поверьте, такой она осталась и до сей поры. Первое, что вас удивит, — это речное раздолье, но поглощающее свет, тёмное, солнце рассыпается в искрах на зонте, вдали, и не ослепляет. Спят безизной непробиваемые стены храмов с узенькими окошками, «взлетевшими» высоко-высоко, к самому куполу, огромному, тяжёлым силуэтом напоминающему шлем богатыря-воина. И храмы противоположного берега рассыпая, огненно-белыми искорками «разбегаются» дальше, за реку...

Сутулая спина старика ровно в полуденное время каждого дня появляется здесь, у смотровой площадки. Стянув с седой головы голубую кепку, скомкав, он не сразу заговорит с тем, кто обращается к нему. Кажется, что он в эти минуты молится...

А может, собирается с мыслями? Но, расслышав, вздрогнет от звука и низким тембром голоса, не знаящим

времени, как у молодого офицера, начинает своё умозрительное путешествие в сотни лет истории...

Бессребренная суть его духовного закона диктовала свои правила: весь шум пяти десятилетий на благо музея прошли... И теперь за доброе слово старик рассказывал, рассказывал... Так говорить может только тот, кого осенний древний город видит в восемьдесят первый раз. Они с ним давние знакомые, как же им друг друга не полюбить?.. И случайным прохожим, и целенаправленным туристам, и тем, кто уже вернулся с модных и дорогих экскурсионных маршрутов, и тем, кто, напротив, не успел оплатить даже входные, было без слов понятно, что ты не знаешь ничего об этой жизни, если не услышишь столько любви в голосе. История становилась реальностью. Одна лишь разница — эта реальность случилась слишком давно. И вот уже Ярослав сменил Александр, отгремела далеко, к Дону, битва на поле Куликовом... И ярость царя Ивана сменила смута... Только обрывками долетали отдельные фразы до рыбаков на берегу и детей, спешащих с занятий музыки. Едва дотягиваясь, ребята с усилием открывают двери северной стороны. И, конечно, сейчас, в это самое время, можно послушать столько всего интересного у «дедушки в голубой кепке». Ведь, говорят, он даже был «са-а-а-мым главным во всём музее!»

...Возможно. Конечно, возможно, это было так. И, пожалуй, ничего не изменилось: старик снова самый главный, но только здесь, на берегу. Это серьёзный вопрос: кто из них важнее, ведь один и тот же человек стоит по разные берега жизни. И один от другого — в полвека расстоянья...

Если вы решите рассказать о том, что здесь увидели, то приготовьтесь: ваше имя растворится среди таких же имён случайных путников: Озерецковского и Глинки... И вот уже рассказ подошёл к порогу Великой войны, и уходит дальше... Старик рассказывает свою жизнь. Так как же так случилось, что одним за одним её эпизоды — сплошь даты, даты и события?

Есть такие люди, у которых судьба вплетена в историю — страны или большой семьи, собственного рода или города, древнего города у великой реки.

Вместо
ПОСЛЕСЛОВИЯ

...А между тем завтрашний день снова сменит настоящее. Листва будет парить слегка, как в невесомости, и тёплой осени не видно конца. Ведь, став посвоему историей, она и есть реальность, просто случившаяся слишком давно...

РАССКАЗ

Арсений КАЛАБУХОВ

Родился в 1980 году в г. Мичуринске Тамбовской области. С 2012 года живёт в Тамбове. Окончил Мичуринский государственный педагогический институт по специальности «Учитель биологии и химии», затем Тамбовский государственный технический университет по специальности «Юриспруденция». Участник городских и региональных художественных выставок. Учитель года Тамбовской области — 2012. Победитель конкурса лучших учителей России в рамках нацпроекта «Образование». С 2020 года работает дизайнером презентаций. В 2024 году роман в АСТ вышел дебютный роман «Сновидец».

Утро в Ольфактории пахло прошедшим ночным дождем, почему-то с нотками кардамона. А ещё старой бумагой и остывающим кофе директора фирмы Марка Серова. Ольга, его помощница, озвучивала директору список заявок:

— Удаление запаха сырости из жилого комплекса... Восстановление аромата духов по старой фотографии... Определить, изменяет ли супруг, по запаху одежды...

— Нет, — в очередной раз ответил Марк. — Я реконструктор запаховых сред. Не парфюмер и не санитарная служба.

Ольга открыла последние на сегодня заявки.

— Воссоздать запах давно покинутого города. Абсолютно точно, как в юности заказчика.

— Выясни детали. Может, всё-таки не целого города и не прям уж абсолютно точно.

Заказчик в переписке подтвердил: понимает сложность запроса, но настаивает на совершенно точном воссоздании. Обещает, что все затраты будут компенсированы. Готов приехать в лабораторию сегодня же. Сообщил и своё имя — Лазарь Невельский.

— Бывший замминистра промышленности, — задумчиво проговорил Марк.

— И миллионер, — добавила Ольга, подняв палец.

Порог лаборатории переступил мужчина. Спокойное лицо человека, который привык скрывать усталость за хорошими манерами. Снял перчатки. Движения его были точными, экономными.

— Вы можете знать этот город. Вы выросли неподалёку, Марк. Зона-14 — так обычно называли это место.

— Вы хотите, чтобы я реконструировал запах промышленной зоны?

— Нет. Тorsk. Это был город, и у него было имя.

— Он был покинут.

— Да, к сожалению. Химическая катастрофа. Жителей пришлось эвакуировать, отравленную территорию закрыть. Прошло уже почти тридцать лет: химической опасности нет.

Запах города

Марк размышлял. Сумма предложения весьма заманчивая, значительная даже по меркам его нескромного прайса.

— Наймите помощников, Марк.

— Здесь нужны не просто помощники. Конкретные специалисты, причём лучшие в своём деле.

Ирина Кайдановская, химик-аналитик. Братья Глеб и Денис Ратниковы: первый — специалист по городской сенсорной картографии, второй — бывший промышленный эколог. Реконструктор эмоциональных запаховых профилей Софья Оганян. Леонид Вайс, специалист по сенсорному сведению.

Тorsk встретил их тишиной. Тишина была такой плотной, будто воздух после давней катастрофы глушил звуки. Автобус проехал мимо проржавевшего дорожного указателя, на котором хорошо сохранилась надпись «ТОРСК 3 КМ». Ниже кто-то дописал синей краской из баллончика: «Не дыши!»

— Очень воодушевляет, — пробормотал Денис Ратников.

Марк смотрел на город. Открытые форточки, брошенные машины, детская коляска возле подъезда... Несмотря на растительность, постепенно захватывающую город, Тorsk выглядел так, будто его покинули совсем недавно.

Софья стояла чуть поодаль от остальных, прикрыв глаза. Марк знал: иногда она замечает важные вещи раньше приборов.

— Что? — тихо спросил он.

Софья открыла глаза не сразу.

— Страх. Здесь долго боялись.

Временный лагерь разместили в бывшем здании городской администрации. Когда-то здесь пахло бумагой, тоном из принтеров, мокрыми пальто посетителей. Теперь — пылью, высохшей штукатуркой, перегревом электрического оборудования команды.

Центральный зал превратился в импровизированную лабораторию. На столах стояли анализаторы, спектрометры, сорбционные ловушки и прозрачные касеты с молекулярными образцами. Леонид Вайс собирал сводочную систему — полу-

круг из проекторов запаховых потоков.

После загрузки всех веществ и установления параметров, если они достаточно точны, воссоздаётся тот самый запах. Аппарат сам синтезирует необходимое вещество, имитируя условия химических реакций и физических процессов.

— Начинаем с базового фона, — произнёс Марк. — Пока без попыток интерпретации. Только то, что подтверждается пробами.

Кайдановская кивнула первой.

— Высококонцентрированные соединения стабильны. Основной городской профиль типичен для промышленного центра конца двадцатых годов в этой местности. Диоксиды азота, следы фенольной группы, тяжёлые углеводороды, сернистые соединения. Ничего необычного.

Глеб Ратников вывел на экран карту воздушных потоков.

— В городе была очень характерная циркуляция воздуха. Волна из заводского сектора постоянно накрывала южные кварталы.

— То есть жители буквально жили внутри промышленного шлейфа? — удивилась Ольга.

— Все промышленные города тогда так жили, — ответил Глеб.

К вечеру базовый профиль был готов. Леонид Вайс запустил первую грубую сводку.

Воздух в зале быстро изменился. Появился город. Не образ, не воспоминание. Именно сам город. Тёплый бетон. Пыль трамвайных путей. Речной ил. Старый пластик. Табак. Разогретые кабели. Подгоревшее масло в уличных кафе. Мокрая листва. Бензин.

— Пока слишком чисто, — заметил Марк.

— Конечно, чисто, — отозвался Вайс. — Это же только верхний слой.

Началась настоящая работа. Леонид подгружал к профилю всё более специфичные образцы, углубляясь всё дальше в прошлое. Редкие соединения, следовые концен-

трации, сезонные колебания. Разница между утренним и вечерним воздухом. Пыльца. Нагретая хвоя в пригородах, осенние грибковые споры. Февральская угольная копоть. Апрельская талая вода. Город медленно проступал из химического тумана.

Марк заметил, что Кайдановская загнулась на поздней осени — неподвижно стояла над анализатором, глядя на данные.

— Ирина?

Она не ответила, только увеличила один из графиков с резким проседанием линии. Подошёл Глеб. Через несколько секунд он тоже перевернулся в лице и тяжело вздохнул.

Кайдановская медленно произнесла:

— Резкое уменьшение концентраций некоторых веществ. В том числе кислорода. Я знаю только одно вещество, которое так работает. Здесь соединение класса «Эфир» — «Эфир-12».

Продолжил Глеб:

— Экспериментальный атмосферный очиститель. Тридцать лет назад его разрабатывали как универсальный реагент для связывания промышленных токсинов. Он должен был буквально просеивать городской воздух на молекулярном уровне. Но проект закрыли ещё до серийного применения.

К концу второй недели Вайс объявил финальную сводку. Проекторы были отключены, окна закрыты, вентиляция переведена в автономный цикл.

Сначала пришёл холодный январь. Угольный дым. Мокрая шерсть. Снег на горячем металле. Автобусные выхлопы в морозном воздухе.

Резко наступила весна. Талая вода. Сырая земля. Речной ветер. Бензин моторных лодок. Сладкий запах черёмухи. Пыль, впервые поднятая после зимы. Потом лето. Раскалённый асфальт. Тополиный пух. Горячие электромоторы. Арбузы на рынке. Дешёвые духи. Речной

ил. Минералка и мороженое.

Осень наступала медленно. Сырая листва. Грибковая прель. Яблоки на выселках. Холодеющие крыши гаражей.

А затем что-то изменилось. Почти незаметно.

— «Эфир-12», — тихо произнёс Глеб.

Вещество проступало сквозь городской запах, постепенно вытесняя его. Асфальт становился холоднее. Река — тише. Дизельные пары — прозрачнее.

Пришёл следующий слой. Паника. Стрессовый пот. Горячие зарядки для телефонов. Следы резины на асфальте. Лекарства. Тревога.

Герметичную комнату Невельский построил в подземной части своего загородного особняка. Снаружи толстая дверь, механические запоры, автономная вентиляция, многослойные фильтры. Внутри Невельский воссоздал фрагмент Торска.

В центре комнаты располагалась сводочная система. Она уже была заряжена реконструкцией среды, созданной командой Серова в Торске. Ольга и команда уехали. Невельский настоял, что на финальной презентации хочет остаться наедине с Марком.

Серов запустил цикл. Сначала пришёл запах обычного Торска. Тёплый бетон. Ветер с набережной. Дорожная пыль. Машинное масло. Потом лето сменилось осенью. Воздух стал тяжелее. Марк внимательно следил за приборами. Концентрация «Эфира-12» пока оставалась минимальной.

— Вы ведь знали, — произнёс он вдруг.

— Конечно, — спокойно ответил Невельский. — Я руководил заводом.

Осень вокруг них становилась холоднее.

— Это вы приняли решение использовать «Эфир-12».

— Да, я. Пытался очистить воздух города. Спасти его...

— И уничтожили.

На панели мигнул жёлтый индикатор. Концентрации запахов начали падать. Слишком быстро.

Марк нахмурился. Подошёл к системе ближе. И похолодел. Дополнительные картриджи. Закрытый цикл. Усиленная подача. Система была настроена не на демонстрацию.

На полное воспроизведение.

В воздухе уже ощущалась та самая, слишком чистая нота — «Эфир-12». Слабел запах кофе, растворялось дуновение речного ветерка. Оставалась только химическая пустота.

Марк резко подошёл к двери. Заблокирована.

Он понял: для Невельского реконструкция не закончена. Последним элементом должны стать люди. Их страх и паника. Смерть.

Через несколько секунд Невельский перестал дышать. Марк молже, крепче и может надолго задерживать дыхание. Но что стоит пара минут, если ты заперт под копаком, из которого исчезает кислород?

Глухой металлический грохот. Кто-то ломал дверь.

Ты понимаешь, что должен уничтожить это? — спросила Ольга позже.

По дороге домой её не отпускало ощущение неправильности происходящего. Она подняла старые архивы Торска, сопоставила даты и поняла: Невельский собирается не просто вспомнить город. Она решила вернуться...

— Нет. Люди должны помнить, чем иногда заканчиваются попытки сделать мир идеально чистым. К тому же... Это лучшая работа в моей жизни.

За окном шёл дождь. И Марк впервые по-настоящему почувствовал его запах.

фото Павел ВАСИЛЬЕВ

СТИХИ

Надежда ЗОЛОТУХИНА

Ах, этот угол мой,
начертанный судьбою...
И давит чернозём, и низки облака,
И люди тяжёлы, а я — Его рукою
Ниспослана сюда —
ну, хоть не на века.

Раздвоенность во мне,
но нет уж ностальгии —
За три десятка лет сугробы замели.

Всё снится мне ковыль, и степи золотые,
И синих гор любовь, где ландыши цвели.

Давно уже ушло — но робкое смейтенье,
Что всё — лишь проба сил, разбег,
и вот — тогда...

Дрожат лишь веки глаз,
слезинки сожаленья,
А мой Собор стоит, поднявшись навсегда.

И где-то на реке —
там лошадей купали
Отчаянные слуги неверного царя.
Мой домик сторожит
весну моей печали,
Прошедшей, как стрела,
за жизнь благодаря.

Вроде всё изучено-исхожено,
Удивление забыто, как любовь.
Только вдруг, как снегом запылено,
детство оживает вновь и вновь.
Акварели розовые, белые,
Золотые с запахом сосны,
Первые мазки мои несмелые —
Капли от берёз моей весны.
Чувства все давно уж перемолоты,
Уплывает в даль пустое все,
С чёлкой девочка — мы были очень молоды —
Чрез столетия является ко мне.
Что могу сказать я ей, уставшая
от больших и маленьких невзгод,
о любви, всю жизнь перепавшую,

И о том, как скоротечен каждый год?
Не с руки седому поколению
Минусы и слёзы разводить.
Вот бы по закону сохранения
Счастье ей в картине подарить,
Чтобы через триста лет, не менее,
Девочка дружая по утрам
Слышала божественное пение
И в окно рукой махнула нам.

Участникам
Ледяного похода

В каком-то другом измеренье,
Быть может, я буду летать,
И слушать волшебное пенье,

И вниз хризантемы кидать
На землю, долины и реки,
На брошенный дом у пруда,
Что строили предки навеки,
А смыла шальная беда.
Но белый цветка лепесточек,
Как знак о любви неземной,
Напомнит мне тонкий платочек,
Подаренный в прошлом тобой.
И профиль далёкий и гордый,
И крымского берега следы,
Быть может, норвежские фьорды
С тобой мне послали привет.
И тысячи дней пролетели,
И свежая новь поднялась,
Где травы в степи шелестели
И льдом ваша кровь пролилась.

СТИХИ

Иван
ЩЁЛОКОВ

Родился в 1956 году в Воронежской области. Автор шестнадцати книг. Печатался в «Литературной газете», альманахах «День Поэзии. XXI век» за 2006–2026 гг., журналах «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Роман-журнал. XXI век», «Сельская новь», «Воин России», «Пограничник», «День и ночь» (Красноярск), «Север» (Петрозаводск), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Дон» (Ростов), «Русский литературный журнал в Атланте» (США), «Новая литературная Немига» (Белоруссия), «Азербайджан», в литературном альманахе «Казахстан — Россия» и других коллективных сборниках. Заслуженный работник культуры России, лауреат многих литературных премий. В настоящее время главный редактор литературно-художественного журнала «Подъём», председатель правления Воронежского регионального отделения Союза писателей России.

* * *
Птица белая. Время чёрное...
Что здесь делаю?
Дёрнул чёрт меня...

Что здесь делаю?
И по праву ли
Птицей белою душу правлю я?

То ли нё жил я,
то ль живу сейчас...
Жил бы, нежился
в свой досужий час.

Но пришли горя, беды прочие...
Голосит заря
девкой спорченной.

Над яругами, над болотиной
Вдаль с хоругвями
смотрит родина.

Птицей чёрною —
время дымное...
Заграничный чёрт
до войны довёл.

Матерь божия —
птица горная —
Растревоженной
вьётся горлицей

Над Оскол-рекой,
по-над Доном ли...
Я и сам такой, обездоленный!

Распростёр крыла
в небе родины.
Эх, была ль, не была —
целы вроде бы!

Звоны. Благовест...
Сердце — птахою...
Лишь поправлю крест
под рубахою.

* * *
Время ты, времечко —
прылка бабуси.
Что ни случилось бы,
ссучена нить.
— Кончу куделю —
другую займуся:
Зиму-то надо
хоть как пережить!..

От Покрова
и до Пасхи Христовой
Крутится, вертится
веретено.
— Будет бойцам
на Донбассе обнова...
Было ж такое, пускай и давно!

Нет перерыва
у прылки бабуси.
Что ни куделька —
Господен ей суд...
Овцы — в клеви,
в палисаднике — гуси:
Хлопают крыльями —
время пасут.

— Бабушка хватит,
устала, наверно!
Можно ли днями сушить
да мотать?..
Русское время — бабушина вера
И в Иисуса, и в Родину-мать.

* * *
Дождаться апреля —
и к предкам
Поехать на родину. Там
Синицей докучной соседка
Вспорхнётся —
и рада гостям.

Поманит крылами к погосту,
К родительским
тихим крестам.
— Куды дальше жить —
девьяноста?!
Избави Господь, чтоб до ста...

И выплеснет жалость рекою
Из чутково сердца она:
— Вон горе-то нонче какое:
Как в нашеском детстве —
война!

Одна я на целой серёдке,
Других не осталось годков.
Недавно помёр и Серёнька —
Последний из всех мужиков...

Спасибочки, птица-синица,
За светлые в грусти часы,
Что есть нам
куда возвратиться
Из чёрной своей полосы!

* * *
Чем дальше в жизнь,
тем больше веры в Бога
И тем дороже
куст ракиты на лугу.
Мне для любви
не требуется много:
Дышать и видеть —
всё, что я могу.

Я двум векам служил
по чести-правде,
Советским был,
теперь — российский весь.
Не отдавался скуке и браваде,
Хранил лишь нежность
ко всему, что здесь.

Не предавал ни друга
и ни брата,
Не ныл, не хаял Родину отцов,
Когда её крушили подло вато
Лакеи всех мастей и образцов.

Я двум векам,
как двум богам, молился.
И горд, что верю в Бога одного.
Мне в двух столетях
куст ракиты снился,
И я, мальчонка, около него...

* * *
Через сны мои и бессонницу,
Размыкая створ тишины,
Полночь выпалит по околице
Раскалённым ядром луны.

Будет свет,
как напалм, накрапывать,
Вьжигая остатки сна,
Чтобы полночь
смотрелась храброю
В стороне, где живёт война.

А на сотни вёрст от околицы
Смерть в ответку
пальнёт внахлёст
Броневой или осколочным
С приземлением на погост.

Ты, душа моя, в несуразности,
В беспросветности
чёрной лжи
Доберись уже по-спецназовски
До сокровищ,
где прячут жизнь.

В небе коптеры —
слово кречеты.
Над окопом у нас — луна:
Видно, трудно ей
рядом с вечностью,
Если здесь, на земле, война.

РАССКАЗ

Семён ЗОЛОТУХИН

А лександру Петровичу Белкину нравилось всходить на башню по ступеням крутой винтовой лестницы. В башне всегда было холодно, даже летом, в самые жаркие дни. Белкин поднимался мимо остроугольного готического окна, иногда проводя рукой по старым стенам кирпичной кладки, казался сам себе смиренным католиком, исполняющим священный обет. Это был подъём вверх, на хоры, на колокольню — ближе к небу. С годами Александр Петрович думал о большем смирении, о том, что он вот уже давно здесь, в костёле, уже много лет поднимается вверх... по этим ступеням... но поднялся ли над собой?

Поднимаясь по ступеням, вздыхал, понимая — если и поднялся, то не намного, лишь на уровень первого или второго этажа девятиэтажки, в которой жил, не более, это как в фильме Феллини, где герой вроде бы воспаряет вверх, поднимается, но улететь-то и не может, потому что одна его нога оказывается в петле каната, идущего от земли, — вот и он, Белкин, крепко связан с землёй, с плотью, а всё же не с небом... всё же...

Нет, конечно, в целом не поднялся — приходил сам к окончательному неутешительному выводу, нет, конечно, страсти продолжали им владеть, бушевать в нём, видимо, всю жизнь, точнее, всю оставшуюся жизнь придётся ему подниматься, и так — каждое воскресенье, так сказать, умирать-погибать и воскресать, и он чувствовал, понимал, что это и есть правда — каждое воскресное утро подниматься по лестнице, и он ощущал в этом и тихое одиночество, удовлетворявшее его вполне, и уже необходимую привычку.

Неожиданно, да, да... всегда неожиданно они появлялись... эти канаты, ведущие к колоколам на башне... они висели рядом свободно меж ступеней железной лестницы, ведущей наверх, а ещё один был прочно привязан к одной лестничной перекладине крепким узлом.

Этот узел был если не морским, то монашеским каким-то... и таким суровым всегда казался Александру Петровичу, таким неумолимым в своей окончательности и простоте.

И важно было то, что этот канат был привязан к перекладине, тогда как остальные два просто висели... свободно... вольно...

В этот колокол, канат которого был привязан, не звонили... ни в будни, ни в праздники, его голос раздавался только в день отпевания...

Белкин ни разу не звонил в этот колокол... И Слава Богу... Однако однажды чуть было не зазвонил...

Тогда Артур сказал ему, чтобы он был готов, надо позвонить во время отпевания одной прихожанки. Александр Петрович помнил её, она была ещё не такой старой, когда ушла... обычная женщина, среднего роста, некрасивая скорее, с живыми глазами... и вроде бы она жила в его районе... да, да, совсем недалеко от него... но тогда он не придавал этому значения... а впрочем, и сейчас не придаёт, ведь не помнит же он и сейчас, как её звали, например... забыл... к сожалению... а ведь Белкин знал, как её звали... но забыл... а это, наверное, нехорошо... но лицо-то её он помнил, и фигуру, быстрая такая, шустрая была дама... была... и как-то внезапно ушла... хотя когда ЭТО бывает ожидаемо...

Артур сказал, чтобы он позвонил в погребальный колокол, когда гроб будут выносить из храма. Александр Петрович готовился к этому, но уже потом не помнил, волновался ли... конечно, скорее волновался, переживал... однако всё же нет... к чему лгать... не нужно... не помнил...

А потом Артур сказал Белкину, что он сам позвонит. И Александр Петрович тогда, после этих слов Артура почувствовал облегчение некое... что же, и хорошо... пусть сам позвонит, ему же, Белкину, лучше — он будет стоять в храме, молиться Богу за упокой души этой женщины, а звонить будет Артур... хотя... кому же лучше — ему, Александру Петровичу, или Артуру?..

А ещё ранее, когда Артур попросил Белкина его заменить у колокола, действительно, очень взволновался... сильно... Да — именно тогда —

Фото: Павел ВАСИЛЬЕВ

Колокол

очень. Александр Петрович хорошо это помнил, хорошо, да. Это было уже много лет назад. До него, до Белкина, звонил всегда Артур. И это было привычно и понятно — и для Александра Петровича, и, видимо, для всех прихожан. Артур был звонарём уже очень давно — и когда он сам, Белкин, пришёл в храм, и потом для многих, пришедших позднее... Артур как бы был всегда звонарём... да и был ли звонарь до него?..

Однако, когда Артур, звоня, летал в небе, или по небу, или пускался в небо, в небо, которое стало его стихией, он видимо менялся, даже преображался. Может быть, отгадка в том, что Артур был лётчиком, авиатором?

Никогда Александр Петрович не спрашивал Артура о его прошлом, о жизни, бывшей до храма... знал только, и не от него, а от кого-то из прихожан, что он — бывший лётчик, хотя почему бывший, наверное, не бывает бывших лётчиков... а военный или гражданский — Белкин не знал, Бог весть, да и важно ли это?

Но всё же Белкин почему-то думал, что Артур был военным лётчиком, истребителем, может быть, потому, что Александр Петрович был выходцем из военной среды... ведь не всегда же Артур был пожилым, а потом и старым человеком, полным, небольшого роста человеком... не хотелось бы называть его стариком... да он, Белкин, и не считал никогда Артура стариком, и в мыслях не было... всегда думал, что вот, ещё крепкий, основательный отставник-истребитель, может быть даже, что авиации полковник... симпатичный и, несмотря на небольшой рост и полноту, с лицом несколько нерусской складки, лысым, с остатками седых волос на затылке, чёрными умными глазами, с крепким горбатым носом и прекрасной улыбкой... Да, у Артура была чудесная улыбка, когда он улыбался, всё лицо его менялось, как бы освещаясь изнутри.

Артур всегда возился по храмовому хозяйству — что-то отпиливал, прибавлял, ввинчивал и отвинчивал, монтировал и красил, налаживал... технарь и золотые руки...

Но с годами он стал дряхлеть, ослабевать, болеть. Именно поэтому тогда Артур и обратился к нему, к Белкину, с предложением заменить его у колокола.

Александр Петрович хорошо помнил тот день, когда Артур привёл его наверх, на хоры, на колокольню... раньше Белкин туда в общем-то и не поднимался, нужды не было... а вот в тот раз он смотрел, как Артур показывал ему канаты от трёх колоколов... и сказал тогда, что в два коло-

кола, канаты которых свободно висели между ступеней лестницы, ведущей наверх, к люку, выходящему на открытую площадку, собственно, на колокольню, где висели колокола, нужно звонить каждую воскресную мессу и, конечно, во время праздников... в тот колокол, канат которого привязан к лестнице, звонить не надо, он погребальный, звонят в него только во время отпевания...

Тогда Белкин взял в руки два каната, неумело потянул их, было тяжело, Артур говорил ему тогда, чтобы он больше и чаще работал руками одновременно — и левой, и правой... но это было чрезвычайно трудно... колокола были тяжёлые, и Александр Петрович не смог их сразу раскатать... с непривычки сильно заныли руки, да и он сам не силач, но Артур помог тогда, раскатал, сказал, что надо сначала резко, интенсивно, а потом колокол «пойдет» сам и будет легче, нужно только поддерживать общий единый темп... и он, Белкин, глядя тогда на Артура, начал качать, ещё, и ещё, и ещё... звон поплыл, окреп, Александр Петрович вспотел, устал... волнуясь, смотрел на Артура... думал, когда же конец, но до конца было ещё очень далеко...

Впоследствии Белкин привык, приносившись, стал звонить вполне себе прилично, даже «заправски», но долго ещё стеснялся своего занятия... ведь как-то не солидно, он же юрист, адвокат, а тут звонарь, пономарь... вообще это как-то обидно звучит... но со временем и это прошло, ушло куда-то, исчезло, растворилось... осталась лишь лестница, ведущая наверх, осознание, что он звонит, должен звонить... а ведь для этого нужно подниматься рано утром, ещё до службы, раньше всех приходиться в костёл... а в воскресные так хочется поспать, понежиться под тёплым одеялом, особенно зимой, когда холодно на улице...

И Белкин полюбил эти свои ранние приходы, когда в храме ещё никого нет, тишина, даже священника нет... он там, где то... в приходском доме или в ризнице... прихожане только ещё начинают подходить на Розарий... один, два, три, вот их уже пять человек... Александр Петрович сверял часы, смотрел, вот уже девять тридцать... пора, надо начинать звонить...

Зимой могло случиться так, да и случалось, что колокола замерзали. Александр Петрович тогда очень переживал... ведь надо звонить в два колокола... а они замёрзли... и тогда он изо всех сил тянул за канаты... но тщетно... что делать, что делать... надо срочно звонить, а звона нет, не в погребальный ли позвонить, вроде он не примёрз?.. Но нет, никогда бы не посмел он этого сделать... Но... Господь взирал на всё это сверху и посылал милость — большой колокол начинал своё движение... и Белкин тогда, радуясь, звонил в один, а потом, словно оправдываясь, говорил Артуру, что смог позвонить только в один, — Артур улыбался...

Да, а теперь вот Артура нет на этом свете... он ушёл из жизни как-то незаметно, тихо, буднично...

До своего ухода стал реже ходить на мессу, как-то соскоча, осунувшись у него лицо, пожатие руки ослабело... да что же это за признаки? Может быть, они ни о чём не говорили... Нет, всё же говорили — и ходил Артур очень медленно, плохо... а потом — эта весть...

Александр Петрович не смог прийти на отпевание Артура... У него, видимо, было какое-то дело в суде, неотложное, как всегда, они все неотложные... но это просто ложь... обыденность буден делает черствее, и поэтому не пришёл... а так — «забыл», «закрутился»...

В храме должен звонить колокол, призывать прихожан к молитве, грешников — к покаянию...

Одно время Белкину помогал звонить его коллега — он заинтересовался, аккуратно приходил в положенное время, они вместе звонили... и было хорошо, славно... потом коллега не стал ходить... Александр Петрович не обиделся на него, жизнь есть жизнь... хорошо, что вообще приходил, и жест или привычка коллеги нравились и запомнились — после звона прислоняться лбом к стене, прошептать слова молитвы, он, Белкин, потом стал это делать...

Артур говорил, что во время звона нужно читать «Отче Наш», «Богородица, Дева, радуйся» и «Верую»... но Белкин забывал это правило, помнил только «Отче», а вот остальные две молитвы — нет, не помнил, читал, конечно, на мессе, но это по молитвеннику, память совсем плохая, но всё же, когда при звоне, молился, как умел: «Господи, за маму, отца, близких, родных, коллег по работе, клиентов, прихожан, за Папу Римского...»

Во дворе храма установили статую — Богородица с младенцем Христом. Александр Петрович подходил к ней по утрам, крестился, кланялся, просил о здравии матери, потом поднимался вверх, по железным ступеням... это его долг, кто-то же должен звонить, кому-то ведь надо, ведь Христос слышит серебряный звон с колокольни маленького провинциального костёла, а когда он, Белкин, звонит, звонят и другие, особенно по московскому времени, все вместе, в разных городах, и звон этот, как молитва, восходит к небу...

Вот и в этот раз всё было, как всегда... Александр Петрович пришёл к положенному времени, открыл дверь на лестницу, медленно поднимаясь по ней, думал, что когда-то мечтал... а о чём?.. Стать священником, но теперь-то ему за пятьдесят, это вряд ли возможно... в на руках мама... но наверно... в этом и есть его служение, его задача... и в этом звоне, в этом колоколе — тоже... думал, что хотя и мирянином, но можно окончить жизнь при храме, как когда-то Дунцов-Выгодский в Иркутске... тоже хорошо... скользил взглядом по старинной кладке... вышел на площадку башни, перекрестился... взял в руки канаты, раскатал привычно... первым ударил большой колокол, за ним подхватил и малый... гулкие звуки поплыли по небу, улета... улета... и башня... и сам костёл... Господи! За раба Божьего Артура!

ЭТЮДЫ

Торговый дневник
девятиностих

Фарид НАГИМ

Лето 1994-го

Работаю на площади меж Ярославским вокзалом и Ленинградским, во дворике. Солнце печет так, что кажется еще немного и упадешь под его давлением. Продал «Антикиллера» Корецкого и что-то из Роберта Ладлэма. Купил пива за три тысячи. Бутылка запотела, наклейка морщи-лась и сколзила под ладо-нью. Выпил, сел в тень и всё никак не мог найти свои тем-ные очки. Рядом лотерейщи-ца с микрофоном: «Не прохо-дим, а подходим! Сегодня вы можете играть со страховоч-кой — берёте пять билетиков и если ни один ничего не вы-игрывает — ваши деньги воз-вращаем обратно, — микрофон добавляет ей официальности и значимости. — Если не вы-игрываете — ничего не теря-ете! Все призы предоставле-ны южно-корейской фирмой «Дэу электроникс» — печи свч, видеодвойки, автомобили!»...

Ко мне подошли покупа-тели. Рассчитывался с ним и вдруг почувствовал, что очки у меня на глазах, но так слепило и стискивало солн-це, что я этого не замечал. «Не проходим, а подхо-дим»...

Многие едут в Питер на «Игры доброй воли». Слыш-но по репликам.

Женщина подошла. Тро-гает книги, а потом брезгли-во трет подушечки пальцев друг о друга, стирая пыль.

— Могу что-то подсказать? — Ну, чтоб в метро такое... Чтоб не думать.

Это очень частый ответ: такую книгу, чтобы читать и не думать.

Многие часто не могут вспомнить — читали они уже детектив, который хотят ку-пить или еще нет. «Надо бы записывать», — бурчат себе под нос.

Вечернее солнце розове-ет на билборде: «Наконец-то на память о вечеринке оста-нется не только головная боль, но и снимок Polaroid». «Не проходим, а подхо-дим»...

Смеркается. Из «комков» понесли в центр площади пу-стые коробки и порванные упаковки.

Откуда-то появились чер-нокожие бомжи. Некоторые в куртках и вязаных шапоч-ках. Все большое и несурзное, но смотрится даже стильно.

В центре плохо работать. Пока соберут все лотки с окра-ин и приедут за тобой — уже стемнеет.

«Откуда эти черноко-жие? — голове тяжело от моз-га; ощущаю его омертвелость, будто в черепной коробке железобетонный кусок. — Откуда они здесь? Учились в Патриисалумумбе? Но поче-му сбомжевались?»

Кто-то из работников под-жег гору коробок. Разгорелся большой костер. В ночи пья-ные чернокожие бомжи тан-

цевали вокруг него. Их тени дергались на стене железно-дорожного агентства. А я всё ещё стоял, ждал. Ветер разно-сил пепел, и я моргал глазами.

Июнь 1995-го

Сегодня торгую книгами от ООО «Яуза» на «Петровско-Разумовской». Рядом рынок.

Эстрада из киоска: «Грани-танный камушек в груди... Якида-а... Девушка мечты в этот вечер не со мной оста-лась ты»...

Кучи коробок — мелкие, крупные, короткие, длинные. Работники сидят рядом, ждут машину. Целлофановые оберт-ки, смятые пластиковые ста-канчики, тарелки, обломки вилоч, банки из-под фанты, колы и пепсы. Проститутское мелтешение голубей. Метут мётлы дворников, катятся те-лежки, иногда волокут под со-бой смятые коробки.

К вечеру подошел мужчи-на лет тридцати пяти. Свет-лые волосы, водянистые гла-за, темная нездоровая кожа и заносенная одежда.

— Старик, книги не ку-пишь?

Я краем глаза смотрел в ведомость. Скоро должен был подъехать разносчик.

— Купи книги, пожалуй-ста, — голос его дрожал.

Такие часто подходят. И это для продавца, который заму-чился продавать книги, как издевательство. Я отложил ведомость и уже хотел отка-заться ему, но увидел рядом ма-ленькую девочку — чуть выше торгового столика. Она обеи-ми руками прижимала к гру-ди два красных пухлых то-ма и снизу смотрела на меня.

— Купи, не доеду я до до-ма, — трясся мужчина. На лац-кане пиджака тускло побле-скивал какой-то значок. — Вот... Как тебя зовут?

Я с усталым раздражени-ем назвался.

— А я в Казани полгода жил! — обрадовался он.

— Я там не бывал ни разу.

— Шырпы бар ма! — вдруг обрадовался мужик.

Это по-татарски значит: «спички есть»? — А! Шырпы бар ма, — повторил он. — Вот сколько Дюма стоит?

— Тридцать тысяч.

— Купи у меня по десять.

— Слушай, я сам их про-дать не могу!

— Ну давай себя хотя бы! — он потянулся к книжке, ко-торую держала девочка. — Купи за десятку обе.

У девочки были синие, ум-ные, как у взрослой, глаза. Она будто стеснялась отца. Я купил у него два «худлитовских» то-ма Дюма, которые потом, при переезде, оставил в обще-на подоконнике. Мужик ра-довался и все повторял: шыр-пы бар ма.

На следующий день с доса-дой подумал, что мог бы под-арить девочке маленькую дет-скую книжку. Так и осталась в памяти — хрупкая, острые плечи, прямые волосы и эти удивительные глаза. Я своего отца вспомнил, сестру свою.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Давыдов

Хроники провинциальной революции

Владимир
СЕЛИВЕРСТОВ

27 февраля 1917 года

Тоскливо чернеют сугробы, до-ма, заборы, деревья. Зима ранней капелью оплакивала близкую свою кончину, а может, и Россию.

«Когда прошлое сильнее насто-ящего, нет будущего», — подумал Давыдов.

Он понимал, что прошлое заме-нить на настоящее указами и зако-нами невозможно, так же, как за-каты на рассветы.

Давыдов въезжал на двуколке, как ему казалось, в восходящий двадцатый век, но его золотые ча-сы показывали время скорого фев-ральского заката.

Пара гнедых трёхлеток устали ещё не знала. Кобыла и жеребец, вздрагивая бархатными крупами, чуя друг друга розовыми ноздря-ми, ржали, не чая дожидаться кон-ца пути и неволи сбруи. Сидевший на высоком облукче человек, каза-лось, мог управлять с привычной твёрдой умелостью — как лошада-ми, так и людьми... И это настора-живало Давыдова. Сорокадевяти-летний столбовой дворянин был силён, умён, умен, смел и опытен. Владелец своей судьбы и собствен-ник счастья, как о нём говорили в городской думе. Четырёхмилли-онная Тамбовская губерния знала его и уважала. Давыдов часто заду-мывался над своей жизнью. Сегод-ня она казалась ему, как и дорога, ухабиистой и обрывистой чередой сотворения и отпущения грехов.

Экипаж остановился у город-ской думы. Давыдов ловко спру-жинил на тонкий ледок и напра-вился в городскую думу.

Председательствовал в ней глас-ный Ишеев Василий Петрович — сорокалетний красавец, состоятель-ный состоявшийся присяжный по-веренный, с золотом окончивший Московский университет. Он уже побывал городским головой. Недав-но возвратился из действующей ар-мии как уполномоченный Десятого Сибирского отряда Союза городов с орденом и носил его в петлице ря-дом с золотым значком адвоката.

Сатин, звеня колокольцем, пе-ребил гудение голосов.

— Господа гласные! Сегодня, 27 февраля, по железнодорожно-му телеграфу комиссар времен-ного комитета государственной ду-мы Бубликов сообщил о револю-ции в Петрограде. Губернатор Сал-тыков умалчивает об этом. Запре-тык распространение газет и теле-грамм. Генерал Рындин формирует надёжные части, в основном из унтер-офицеров и георгиевских кавалеров. Полиция и жандармы перешли на казарменное положе-ние. Нам удалось получить эту те-леграмму. Телеграмму доставили через част. В ней от председателя го-сударственной думы Родзянко со-общение о победе революции в Пе-трограде и образовании времен-ного комитета думы.

После долгих пустопорожних дебатов городская дума признала новую власть в стране, выбрала исполнителный комитет и призвала население сохранять спокойствие.

3 марта

День прошёл спокойно, и ни-что в Тамбове не возмущало о раз-вернувшихся петроградских и мо-сковских событиях. К полудню бы-ла получена первая агентская теле-грамма временного комитета но-вого правительства. Телеграмма была доставлена в городскую ду-му. Весть быстро разнеслась по го-роду о петроградских событиях...

С утра на улицах — конные сме-шанные патрули солдат и стражни-ков. На углах вывешено отпечатан-ное ночью обращение губернатора:

Демонстрация на Дворцовой улице в Тамбове около здания присутственных мест

«Ввиду событий, проис-ходящих в Петрограде, ожидая распоряжений Высшей Власти, предла-гаю всем слоям населе-ния Высочайше вверен-ной мне губернии спо-койно заниматься сво-им обычным делом, ни-чем не нарушая поряд-ка, так как всякое нару-шение его во время вой-ны выгодно для наших врагов и может быть погубительным для оте-чества, которое долж-но жить одной мыслью: всё для достижения по-беды.

Губернатор
Салтыков».

На Успенской площади утром — массовая демонстрация с участи-ем солдат и офицеров в поддержку временного правительства. Толпа обезоружила городских. На Дол-гой улице пьяные извозчики сби-вали топорами с парадного подъ-езда губернского присутствия дву-главого орла. Медная птица, три-ста лет парившая над необъятной могучей Российской империей, ге-ройски сопротивлялась. Сначала орёл лишился одного крыла, по-том лапы. Головы, смотрящие од-на на Восток, другая на Запад, ни-как не поддавались. Один из «пала-чей» промахнулся. Зевакам пока-залось, что орёл клонил его и тот полетел с диким воплем наземь. Остальные опешили и спешно спу-стились, оставив израненного, но не поверженного символа с од-ной головой, одним крылом и од-ной лапой. Сбитые имперские ор-лы долго ещё валялись по улицам в грязи. На сторону революции пе-решли войска пятидесяти тысяч-ного гарнизона Тамбова. Губерна-тор Салтыков сдал дела руководи-телю земской управы Юрию Давы-дову, назначенному Петроградом губернским комиссаром. Тамбов-

ский губернатор и гарнизонный генерал признали комитет и под-чинились ему без сопротивления. Первым добровольным актом гу-бернатора стало, по настоянию Да-выдова, освобождение из тюрьмы семерых политических заключён-ных. Комиссар сам явился в город-скую тюрьму, или как по старинке называли его горожане, тюремный замок или острог.

Давыдов приказал освобождать только политических. Уголовных всех мастей содержать по преж-ним правилам и приказам. Работ-никам тюремного замка сохраня-ется денежное и продовольствен-ное довольствие за счёт земских сумм. Политических набралось тринадцать душ. Из них шестеро молокан из села Дуплятомаслово Знаменской волости.

— Пойдёмте к уголовным, мо-жет, там, кто затесался из револю-ционеров. Жандармы прятать ма-стки, — командовал Давыдов.

В угловой камере убийцы, раз-бойники и воры — все как один по-казали на тщедушного мужичка, закованного, как рыцаря, в кожа-ные доспехи.

— Вот у нас главный революци-онер-террорист.

— Вы что, воздухоплаватель?

— Нет, управитель авто.

— За что здесь содержитесь?

— Жду трибунала. Я рядовой тринадцатой автобригады. Заклю-чён за убийство генерала Кротова, притеснявшего нижних чинов и во-ровавшего солдатское довольствие.

— Как это вам удалось совер-шить?

— Как забили меня, то постро-или нашу часть на поляне. Унтер спросил: «Кто с техникой дружил, два шага вперёд». Дай, думаю, вый-ду. У дядьёв движок был, они муку мололи. Три с половиной месяца вожжению машины учили. Одеж-ду выдали кожаную. Учился в Мос-кве. Мне нравилось. После кур-сов определили к генералу Крото-ву. Здоровый боров, у авто рессоры чуть не до земли. Возил его по раз-ным штабам. Как-то после совеща-ния офицерского генерал приказал: «Степан, гони!» Ехали по Калужской губернии. С нами батюшка и адъю-тант, подпоручик Корнели. Через

час генерал приказал: «Поверни на другую дорогу». По ней доехали до офицерской больницы. Батюш-ка с генералом ушли. Ждём мы их с адъютантом. Уж стемнело. В зда-нии свет зажгётся. Заиграла музы-ка. Адъютант говорит — пойду, по-смотрю, может, поест дадут. В ско-рости принёс спирта и хорошую закуску. Выпили. Поели. Добрый был мужик. Адъютант опять ушёл в корпус. Я уснул в машине. Утром ждём-ждём, а их всё нет. Наконец появились. С ними женщца. Се-ли все в машину и поехали. Снова: «Степа, гони!» Мелькали избы, де-ревья — и вот развилка дорог. Ба-тюшка говорит: «Едем налево, так будет короче». Я и поехал. Появил-ся мостик через маленькую речку. Еду по настилу — и вдруг ломается одна доска, другая. Падаем, а ма-шина заваливается набок, очухал-ся, а вокруг адъютант бегаёт, хро-мает и стонет. Мы попытались вы-тащить батюшку. Он всё стонал. Ге-нерал под машиной молчал. Адъ-ютант понял, что надо за людьми бежать. Недалеко была воинская часть. Прибыли солдаты с офице-ром. Машину поставили на колёса. Генерал и баба погибли, а батюшку вместе со мной отправили в сан-часть. Я ударился головой, и болела грудь. Через два дня появился сле-дователь, стал допрашивать. Расска-зал всё, как было. Адъютант за ме-ня переживал. Советовал — говори, что начальство направило ехать по мосту, так как путь короче. Батюш-ка умер. Дня через три меня пове-зли в Тамбов. Обвинили, что я под-польщик-большевик и по заданию убил генерала и попа. Посадили. Допрашивали, кто, мол, главарь и члены подпольной организации. А со мной сидели настоящие боль-шевики. Они всё что-то обсужда-ли, спорили. Мне говорили: «Гене-рал приказал, ты и поехал. На этом и стой». Было тоскливо. Скорее бы к одному концу. Один следователь всё под дык бил...

Давыдов надоело его слушать. — Выходи. На складе переодень-ся и шагай на автомобильную базу. Я прикажу. Будешь у меня в подме-не водителем. На Успенской пло-щади исполком рабочих депутатов кружечный сбор для таких, как ты, делает. Скажи, чтобы тебе два ру-бля выделили.

Перед освобождёнными поли-тическими сказал небольшую речь. — Вы обвинялись в преступле-ниях против царской власти, ко-торой уже не существует, следо-вательно, и ответственности нести не должны. Весь народ оказался на вашей стороне и оправдал вас и ва-ши действия. Желаю вам принести как можно больше пользы новой свободной России.

Фото: Павел ВАСИЛЬЕВ

НОВИНКИ КНИГОИЗДАНИЯ

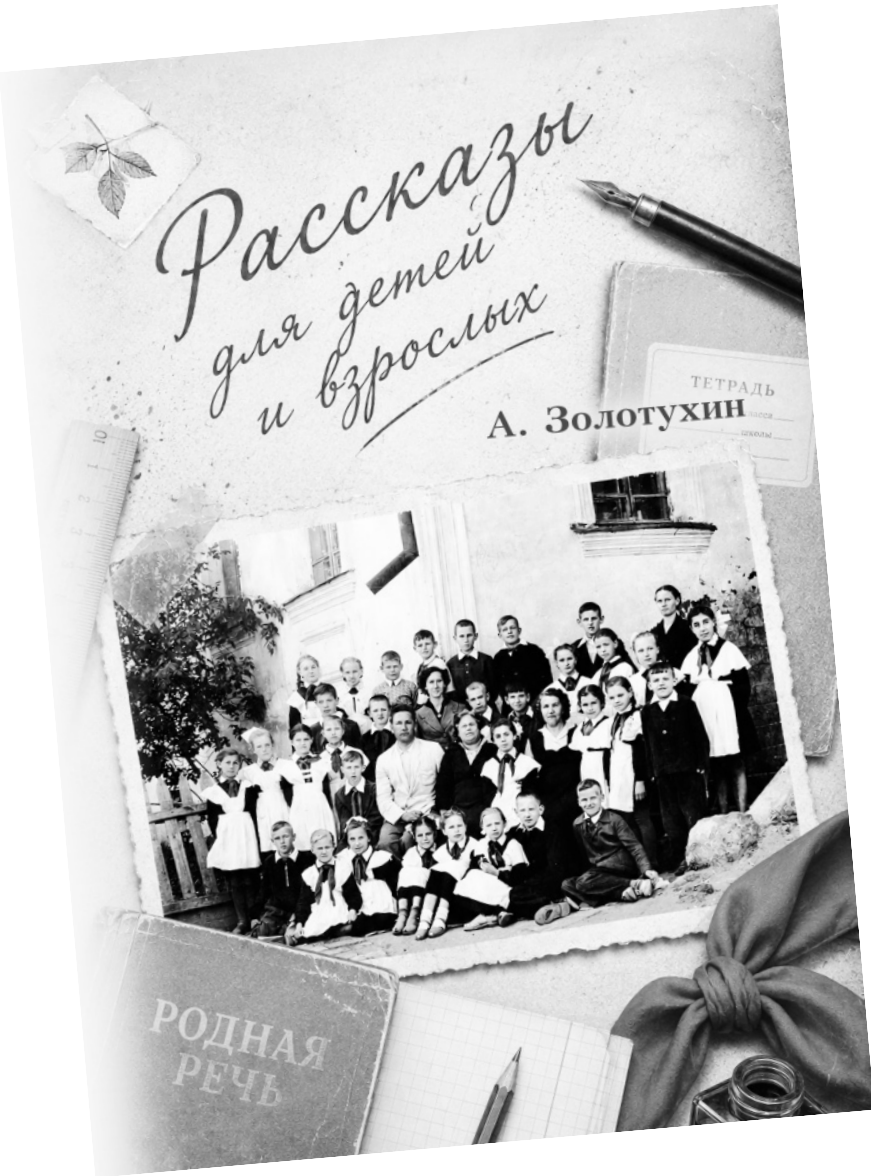
«Рассказы для детей и взрослых»

Это название новой книги (6+) тамбовского автора, создателя музея Фёдора Плевако при ТГУ имени Г.Р. Державина, известного в Тамбовской области юриста Александра Золотухина.

Александр Дмитриевич родился 20 июля 1950 года в городе Петрозаводске Карело-Финской ССР, в семье военнослужащего. В 1954 году семья переехала на постоянное место жительства в город Миасс Челябинской области. В 1969 году в Миассе окончил автомеханический техникум, получив квалификацию техника-механика по специальности «автомобилестроение». В 1975 году с отличием окончил Свердловский юридический институт, получив квалификацию юриста, по специальности «право-ведение». Был направлен на работу в Тамбовскую область, в органы юстиции.

С апреля 1976 года по 2000 год работал народным судьей, председателем суда, федеральным судьей Советского районного суда города Тамбова. С 2000 года — федеральный судья в почетной отставке. Педагогической деятельностью начал заниматься на юридическом факультете ТГУ им. Г.Р. Державина с 1995 года, на постоянной основе — с 2000 года. В 2009 году в Саратовской государственной юридической академии защитил кандидатскую диссертацию по юридической тематике. В 2013 году присвоено звание доцента. С 2011 года заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса ТГУ им. Г.Р. Державина. С июля 2024 года — заведующий кафедрой цивилистического процесса, организации судебной и прокурорской деятельности.

Сегодня мы предлагаем нашим читателям познакомиться с творчеством Александра Золотухина.

Почему петух не закукарекал?

Александр ЗОЛОТУХИН

Мое детство пришлось на 50–60-е годы XX столетия. Это было время, когда на карте мира существовало государство под названием СССР (Союз Советских Социалистических Республик). Я горжусь, что мне довелось родиться и жить в этом государстве в трудное послевоенное время. Воспоминания о детстве постоянно приходят ко мне, как память о прошедшем времени. Воспоминания о тех, кто был в то время рядом со мной, заботились обо мне и учил меня, кто вместе со мной постигал то, что называется жизнью. Это моя семья, моя школа и мои друзья. У каждого человека эти воспоминания свои, так же как и время, откуда они приходят. То, что раньше было понятно и интересно мне, теперь стало непонятным и неинтересным для тех, кто сейчас постигает жизнь. Видимо, она так устроена. Одно приходит на смену другому. Мои воспоминания детства — это эпизоды моей жизни в виде отдельных рассказов о разных событиях, в разные периоды времени, которые в первую очередь предназначены для близких мне людей. Я уверен, что между поколениями, которые жили когда-то, живут сейчас и будут жить в будущем, должна быть преемственность. Я надеюсь, что мои рассказы послужат этому и найдут своего читателя.

У моего папы очень ответ-ственная работа. Он уез-жает рано утром, когда я еще сплю, и приезжает поздно вечером, когда я уже сплю. Сёстры утром уходят в школу.

А я в детский сад не хожу, поэто-му целый день нахожусь дома с ма-мой. Вместе мы занимаемся раз-личными домашними делами, ко-торых достаточно много. Нам нуж-но убираться в комнатах, сходить в магазин за продуктами, прине-сти воды для приготовления еды и для стирки. Дома мы стираем только мелкие вещи, а крупные ве-щи мы с мамой ходим стирать и по-лоскать на городской пруд. Зимой еще нужно протопить печь для теп-ла, а летом поработать на огороде.

Нужно приготовить поесть и для сестер, когда они придут из шко-лы, и для папы, когда он приедет с работы.

Я люблю смотреть, как мама готовит, при этом я стараюсь запомнить, как она это делает. Та-ким способом я научил-ся у нее как нужно ре-зать хлеб, колбасу, сыр и разные овощи. Жа-рить яичницу, чистить и жарить картошку, ме-сить тесто для пельме-ней и лепить их, и неко-торым другим кулинар-ным премудростям.

Мама говорит, что любое при-готовленное блюдо должно выгля-деть красиво, даже если оно де-лается только для себя. Красиво оформленное блюдо и есть при-ятнее. На это не нужно жалеть времени. Вот селедку можно на-резать прямо на газете, в кото-рую она была завернута при по-купке, и есть.

Можно просто нарезать куска-ми и положить на тарелку, а можно ее разделать, вынув из нее все кости, красиво порезать, положить в селе-дочницу, добавив подсолнечного масла, и нарезать колечками лук. Мама очень хорошо и часто печет. На Урале традиционно пекут боль-шие пироги с разными начинками: с мясом, рыбой, грибами, яго-дами. В этом деле мама большой ма-стер. Мне очень нравятся ее пиро-ги, особенно с солеными груздями.

На наши дни рождения и дру-гие праздники мама обязательно выпекает торт под названием На-полеон. Это не простой и доволь-но длительный процесс.

Сначала она выпекает коржи, при этом каждый по отдельности. Сложность их выпечки заключается в том, что они должны быть очень тонкие, и чем тоньше, тем лучше. Коржей нужно испечь столько, что-бы из них можно было собрать торт нужного размера. Одновремен-но с выпечкой коржей мама гото-вит крем для торта. Коржи, прома-занные кремом, собираются в сам торт. Собранный торт весь покрыв-ается кремом, и некоторое время он должен постоять, чтобы пропита-ться. Для того, чтобы торт выгля-

дел красиво, мама сверху украша-ет его узорами из крема или крош-кой шоколада или конфет, иногда фруктами.

Моя старшая сестра Галина окончила десять классов и скоро в школе будет выпускной вечер. После вручения аттестатов зрело-сти выпускники и учителя во гла-ве с директором школы по тради-ции будут пить чай с праздничным тортом. Торт родители выпускни-ков решили испечь сами, поэтому сегодня мама и я едем принимать в этом участие.

Вначале мы ехали на автобусе, потом шли пе-шом. Мы подошли к до-вольно большому до-му, построенному из толстых бревен. В до-ме кроме комнат бы-ла просторная кух-ня с большой печ-кой, которую почему-то все называли русской. Пришли одни мамы. Я был единственный мальчик. Все мамы бы-ли очень веселые, они громко разговаривали между собой, перебивая друг друга.

Меня же заинтересовала печка. Она отличалась от печки, которая была у нас. В нашей квартире печ-ка была низкой. Кастриולי и сковородки ставились на нее сверху, пер-ед этим убирались круглые коль-ца, через отверстия от которых был виден огонь.

А эта печка была высокая, до по-толка, с большим окном в сере-дине, которое закрывалось же-лезной крышкой с ручкой. Мне объяснили, что для того, чтобы что-то приготовить в такой печ-ке, это нужно поместить внутрь печки через окно и, закрыв его крышкой, ждать приготовления. Мне стало очень интересно, и я с нетерпением ждал, когда будут печь торт, чтобы посмотреть как работает печка.

Мамы решили испечь торт в ви-де петуха, у хозяйки дома была для этого специальная форма. Форма для выпечки торта в виде петуха по своей конструкции была похо-жа на полые формочки разных кон-фигураций, с которыми играют ма-ленькие дети, заполняя их песком,

выпекая пирожки. В отличие от ма-леньких детских формочек, она бы-ла довольно большая и состояла из двух полых частей, по форме напо-минающих петуха, которые запол-нялись тестом и соединялись спе-циальными защелками. После того, как форму в виде петуха заполни-ли тестом, ее положили на лопат-ку с длинной ручкой и поместили внутрь печки, предварительно сняв крышку с ее окошка, а потом сно-ва закрыв его крышкой.

Пока петух находился в печ-ке, мамы, в том числе и моя, заня-лись приготовлением крема раз-ных цветов для того, чтобы разу-красить торт, но мне не терпелось увидеть готового петуха. В ожида-нии этого, проявляя нетерпение, довольно часто я стал подходить к маме с одним и тем же вопросом о том, когда же петух будет готов, отвлекая ее от работы по изгото-влению крема. На мой вопрос мама каждый раз отвечала, что нужно еще подождать. Когда в очередной раз я подошел к маме с тем же во-просом, одна из мам сказала мне, что петух будет готов тогда, ког-да он подаст сигнал об этом. Петух должен закукарекать. Все присут-ствующие мамы дружно поддер-жали ее и моя мама тоже. Я вер-нулся к печке. Мне было очень ин-тересно услышать, как петух, на-ходясь в печи, закукарекает о сво-ей готовности. Я терпеливо стал ждать этого.

Сначала я стоял около печки, по-том сидел рядом с ней на стуле, по-том стал ходить около печки в раз-ные стороны. Время шло, но петух молчал. Он молчал и тогда, когда одна из мам вынула форму с пету-хом из печки, молчал и тогда, ког-да, расстегнув защелки, из формы вынули готового петуха. Я громко спросил, почему же петух не за-кукарекал, но все мамы молчали и только улыбались.

Я был очень сильно расстроен тем, что прождав столько време-ни, я так и не услышал, как петух кукарекает, подавая сигнал о том, что он готов. Мамы стали меня успокаивать, а одна из мам сказа-ла, что петух не закукарекал из-за какой-то неисправности фор-мы, в которой он выпекался. Я по-верил и успокоился.

Торт в виде петуха получился очень красивый. Раскрашенный разноцветным кремом, он гордо стоял посереде-не праздничного стола и, несом-ненно, был его украшением. Я ви-дел радостных мам, которые ста-вили его на стол, радовался вме-сте с ними...

РАССКАЗ

Красный конь

Олег АЛЁШИН

Когда-то у меня была красная пластмассо-вая лошадка на четы-рёх колёсиках. Почему-то не помню, как я на ней катался, но запомнил, как она стояла в нашем подвале на огромной непонятного цвета крышке бабушкиного сундука, в ко-тором хранились старые тё-плые вещи и спички в посы-лочном ящике, припасённые на случай войны.

Я любил с мамой ходить в подвал за картофелем и пе-пином — яблоками, уложен-ными ещё с осени в дере-вянный ящик. Мне нравил-ся их приглушённый соло-мой аромат, а ещё нрави-лось держать зажжённую свечу у скрипучего винто-вого замка, который препод-сыывал сколоченную из до-сок дверь нашего сарайчи-ка; металлическая планка тяжело отваливалась, ма-ма подкручивала лампочку в патроне, вспыхивал элек-трический свет, и мы входили в крохотное помещение, где томился без детских за-бав мой красный конь, кото-рый, как мне казалось, мол-чаливо ждал меня, а может быть, надеялся, что я его от-сюда когда-нибудь заберу...

Мама набирала карто-фель... В это время я украдкой брал из ящика красное ябло-ко и подносил его на распро-стёртой ладони к губам сво-его маленького коня.

Однажды я увидел, как старёвщик, обменивавший во дворе нашего дома старые вещи на глиняные свистки, так же с ладони угощал свою серую невзрачную лошаде́н-ку. Она шумно жевала и до-вольно покачивала больше-глазой головой. Я подходил к старёвщику и просил раз-решения погладить лошадку...

— Любишь лошадок? — однажды спросил он меня. Я кивнул головой. Ста-рьёвщик порывлся в кармане и достал птичку-свистульку. — Вот тебе подарок, толь-ко не просвисти свою добро-ту, — сказал старёвщик...

Мама, набрав в одно ве-дро картофель, а в другое — поменьше — яблоки, выкру-тила горячую лампочку, при-держивая её тряпичей. Я в это время держал за ручку за-капанную воском высокую кружку, в которой, чуть на-клоняясь, стоял белый стол-бик зажжённой хозяйствен-ной свечи. Я боялся своим дыханием спугнуть пламя с кончика обгоревшего фити-ля, поэтому кружку держал подальше от себя.

Когда мы прикрывали за собой дверь сарайчика, я за-мечал, как дрожашую и ис-пуганную тень моего крас-ного коня пожирала страш-ная темнота. Может быть, я тогда в полной мере ощу-тил значение слова — тем-ница, в которой не по злому

умислу, а по необходимости оказался мой красный конь...

Жили мы тогда вчетве-ром в тесной обставленной восемнадцатиметровой ком-натке, где каждой вещи бы-ло определено строгое место. А моему коню уже негде бы-ло порезвиться, разве толь-ко в длинном узком коридо-ре семейного общежития, но соседи всегда были недово-льны моими затеями.

Под Рождество я сильно заболел, из-за ангины дол-го держался вы-сокая температура. Я лежал на панцир-ной металлической кровати и почему-то думал о крас-ном коне, который стоит один, запер-тый в подвальчике, в страшной и мол-чаливой темно-те. Разве он мечтал о такой жизни? Я попросил ма-му хотя бы на несколько дней — пока болею — при-нести из подвала красного коня.

После работы папа зашёл в комнату, держа под мыш-кой мою лошадку, а я смо-трел, лёжа в кровати, как мама тщательно протирает её от пыли. Потом мама на-шла в шкафу вышитую ба-бушкой тканевую салфетку и накрыла ей спину красно-го коня.

— Посмотри, какая цар-ская лошадка получилась, — сказала мама и легонько под-толкнула её к моей кровати.

Я улыбнулся и погладил красного коня, а когда в ком-нате погас свет и все легли спать, я угостил его шоко-ладной конфетой из моего новогоднего подарка, кото-рую припас под подушкой. Красный конь несколько дней простоял возле моей кроват-ки, время от времени я касал-ся его царственной головы.

Не знаю, о чём думал мой красный конь, но я думал, когда вырасту, то обяза-тельно стану старёвщиком и бу-дет у меня настоящая лоша-дка. Я буду её подкармливать яблоками, ездить по городу и обменивать старые игруш-ки на глиняные расписные свистульки...

Когда я выздоровел, по-просил родителей: «Не нуж-но относить лошадку в подвал, лучше подарите её какому-нибудь другому мальчику».

Мама сказала: «Посмо-трим». Через несколько дней мой красный конь взлетел на шкаф, который мама почему-то называла по французский манер — шифоньер. А вот вы-сушенные фазисисы и ваза куда-то исчезли.

Фото: Алексей БУЧНЕВ

БЕСЕДА

«Мое четкое убеждение — делай, что должно, и будь что будет»

Михаил
КАЛАШНИКОВ

Родился в 1985 году в селе Белогорье Подгоренского района Воронежской области. Окончил в 2007 году исторический факультет Воронежского государственного педагогического университета. Работал помощником начальника караула в пожарно-спасательной части. Участник поискового движения, Богучарский поисковый клуб «Память». Сегодня возглавляет отдел прозы журнала Подъем.

Прозаик. Публиковался в журналах «Подъём», «Звонница», «Роман-газета», «Наш современник», «Сибирские огни», в газете «Литературная Россия», в региональных периодических изданиях. Автор трех книг прозы: «От Купалы до Крещения», «Город на трех мостах», «Красный демон». Лауреат Исаевской премии (2020), премий «Кольцовский край», «Щит и меч Отечества», «Хрустальный родник», «В поисках правды и справедливости», дипломант фестиваля «Во славу Бориса и Глеба». Член Союза писателей России с 2019 года. Живёт в Воронеже.

Фото архив Михаила Калашникова

Очень хорошо помню момент, когда впервые увидел Воронеж. Почувствовал его атмосферу и дух не сразу, и только когда вернулся в родной регион и решил больше узнать о героической обороне Воронежа в годы Великой Отечественной войны, понял, насколько этот город удивителен и полон сильных людей. Именно этот факт во многом мотивирует меня и сейчас вернуться в Воронеж. А у вас, дорогие читатели, сегодня появится возможность узнать больше и об этом замечательном городе в Черноземье и о его литературной жизни благодаря писателю Михаилу Александровичу Калашникову.

— Михаил, приветствую! В наше время единицы писателей способны по-настоящему сильно, талантливо и глубоко написать о событиях Великой Отечественной. Иногда кажется (причём многим читателям, многократно интересовался у них лично), что все сильные произведения о той войне уже написаны писателями-фронтовиками. Но мы отлично знаем, что переосмысление тех событий крайне важно для современников, а память о них тем более необходимо сохранять, пропустив через себя. Вы автор книг «Расплавленный рубеж» и «Летом сорок второго», рассказывающих о тяжёлых боях и героизме русских людей на Воронежской земле. Расскажите о работе над этими книгами и Вашем личном отношении к Воронежу как городу и месту силы.

— Игорь, здравствуйте! Я, пожалуй, соглашусь с читателями: лейтенантской прозой уже давно и весомо сказано о той войне, но вот у Первой мировой, скажем, существуют такие монументальные авторы, как Хемингуэй, Ремарк, Барбюс, у нас, несомненно, Шолохов. А о Второй мировой нет произведений с похожим размахом. Всем давно все ясно: для Европы эта война оказалась, по большому счету, фарсом, это для нас она осталась народной, борьбой за выживание, а у них прошла не шатко не валко — одни силы их оккупировали, вторые пришли и освободили, сами европейцы (кроме сербов) оставались сторонними наблюдателями

своих собственных судеб. Я не претендую на лавры перечисленных мною авторов, Боже упаси! А то сложилось впечатление: вот придет Калашников и заткнет за пояс Бондарева, Воробьева и Васильева. Конечно, лейтенантскую прозу уже не переплюнуть никому. Но получается, что та война, законсервированная писателями-фронтовиками, а она куда не ушла... Она до сих пор в дне сегодняшнем, в нашей международной обстановке, если хотите, как бы пафосно это не звучало. Кроме того, художник не выбирает тему, это она выбирает его. Я чувствовал, что смогу сказать читателю пусть немногого, но что-то свое, сокровенное, вынесенное из личного опыта общения со своими членами семьи, пережившими оккупацию, или — с ветеранами. Бродил по городу, в котором теперь живу, глядел на оставленные в память потомкам памятники той эпохи, «раны» войны на старинных зданиях, искал монументальный труд про битву за Воронеж и не смог его найти. Встречал у многих литераторов в их откровениях — в голове бродят голоса: «Расскажи про нас, рассказы». Ты пишешь роман и голоса утихают.

— За рассказ «Вровень с рекой» Вы получили Исаевскую литературную премию. Именно тогда обратил внимание на язык автора — живой, подлинный, густой. Почему говорю про это — именно после прочтения этого рассказа изменилось моё отношение к Дону, географически не близкому к моему региону, но быстро ставшему любимой русской рекой. А каков Дон для Вас, повлияла ли эта удивительно красивая река на Ваше творчество?

— Несомненно. Знаете, хочется зайти издалека... Не для кого не секрет, что русская деревня гибнет, об этом писали на протяжении второй половины XX века множество наших авторов. Процессы начались не вчера, не с ельцинских реформ и не с развалом Союза, как многие ошибочно думают. Мои родители имели все шансы покинуть свою малую родину, урбанизация подхватила их поколение, понесла. Они даже пожили какое-то время на крайнем Севере еще до моего рождения. Повзрослев, я понял, что вырос более слабым, чем они — покинул землю, на которой родился, предал ее, уехал в город. И эта рана до сих пор во мне, я чувствую свой грех, стараюсь хоть как-то замолить его через свою прозу. Я вдохновля-

юсь родной природой и неустанно повторяю родителям: «Спасибо, что не уехали. Кем бы я стал, если бы не Дон, не мellow холмы, окружавшие наше милое Белогорье, не пещеры, прорытые прадедами в толщах этих гор?». Родители отвечают: «Был бы нормальным человеком: менеджером, инженером, дизайнером».

— Воронеж — один из тех городов, в котором есть серьёзный литературный журнал, с историей и позицией. Благодаря ему я и сам узнал одного из самых близких мне по духу русских поэтов — Александра Гавриловича Нестругина. Что значит лично для Вас журнал «Подъём» и кого из современных воронежских писателей Вы бы могли выделить как наиболее мощных и перспективных (второе, конечно, относится напрямую к молодёжной литературе)?

— «Подъём» для меня — как дверь в литературу. Сейчас открываю первые свои публикации в этом журнале — покрываюсь стыдливой окраской. Тогда казалось, что вещи мои забурели, приобрели весомость, можно их нести и показывать людям. Сейчас вижу — редакторы давали мне, зеленому, большой аванс, пуская на страницы «Подъема», за что им огромная благодарность. После сотрудничества со столичным книжным издательством, увидел московскую бездушность, отношения к автору будто к заводскому конвейеру, еще больше стал ценить журнал и людей в нем работающих.

У предыдущих поколений мощь, несомненно, была. Кольцов, Никитин и Платонов — входят в школьную программу. Троепольский, увы, так и остался автором слезливой повести про собаку, больше ничем не запомнился. Бунина воронежцы упорно тащат к себе в земляки, но он лишь родился у нас и прожил три первых года своей жизни. На стыке казачьего и крестьянского миров родился Шолохов, учился в гимназии уездного городка Богучара и поэтому тоже имеет некоторую причастность к воронежской земле. Семья Бориса Васильева переехала в Воронеж, и будущий автор пронзительной повести о женщине на войне заканчивал здесь старшую школьную ступень. Воронезу литературному есть чем гордиться. Из ныне живущих особо почитаемы мною прозаик, публицист и поэт Виктор Викторович Будаков, а также Вячеслав Дмитриевич Лютый — известный в нашей стра-

не критик, регалии которого можно перечислять очень долго.

Что касается современности... С мощью, как всегда, все сложно: мощностей не хватает — одни мощи... Простите за каламбур. С поэзией дело, как и везде по стране, более массовое, радужное: Надежда Третьякова неплохой автор, у Дарьи Князевой богатая палитра красок, не скучный язык, образные поэтические формы. Эльвира Пархоц затрагивает глубинные темы, в ее поэтическом голосе народная толща, этнический колорит. Из прозаиков назову Андрея Авраменко, но не потому, что он плох или хорош, а просто он единственный на все молодое пространство Воронежа.

— Знаю, что Вы один из тех современных писателей, которых уважают и печатают литературные издательства, что, безусловно, крайне важно для читателей. Как считаете — в том числе в этом контексте — есть ли у бумажных изданий (не только книг, но и литературных журналов) будущее, или всё-таки электронный век победит?

— Электронный век побеждает, но, уверен, есть и у него предел. Традиционная книга навсегда останется в нашей повседневности, сколько бы ей не пророчили в будущем жизнь винтажную или музейную. Люди до сих пор ездят в такие места, где нет розетки под рукой. Ведь насколько приятно наслаждаться шелестом бумажных страниц под шелест морских волн или древесных листьев. Меня, например, электронная книга заставляет переходить к форсированному чтению. А бумага... Замереть с раскрытой книгой в руках, задержать дыхание, прощупывать глазами напечатанную фразу, а в это время у тебя в воображении рушатся империи, проливаются дожди из слез на застывший след любимого, таешь в рассвете, ищешь оставленную строку, а у тебя в это время гаджет потух, подсветка умерла. Нет, только традиционное печатное слово.

— Кто-то скажет, что каждое поколение может назвать своё время непростым — и окажется правым. Но всё-таки мы живём в действительно непростое время, когда внутри литературной среды сами писатели подчас совершенно противоположно смотрят на свою родную страну. И не считаю, что причиной

этому именно СВО, убеждён, что они так относились к стране всегда, просто сейчас их позиция из-за страха или бездуховности проявилась наиболее ярко. Особенно остро это ощущается в поэзии. Слышал разные позиции, моя в этом контексте патристичная и довольно жёсткая. Как думаете, нам всем стоит вести диалог или мудрее делать своё дело и не оглядываться на коллег, живущих либеральными мечтами?

— Мое четкое убеждение — делай, что должно, и будь что будет. В спорах (как мне доказала практика) не рождается истина. Оппонент слушает, делает умное лицо и на твой довод сыплет своим контрдоводом. Ты, вроде бы, тоже спокоен, пытаешься встать на его позицию, но замечаешь — твоя естественней, вот именно она ложится тебе на душу. Так зачем ее, милую, терзать? И оппоненту не надо укладываться в прокрустово ложе моих «железо-бетонных» доводов. Так устроен мир — «Милосердный, верю, не позволит — сделать одинаковыми нас». Не стоит выяснять кто зацементирован на правых позициях, а кто потерял голову в погоне за человеколюбием или еще какой-то несбыточной мрией (мечтой) пацифиста. Надо молча и упорно творить дело на своем месте. А время и читатель покажет, кто оказался прав.

— Что такое современная русская проза для Вас и кого из писателей современников Вы бы могли рекомендовать широкому кругу читателей?

— На данный момент это две фамилии: Елизаров и Поляков. Добавлю еще Прилепина, но мне он больше симпатичен в своих книгах-исследованиях: Есенин, Шолохов, Мариенгоф — очень полновесные биографии получились. Для меня проза, не только современная, это насыщенность, густота, яркость, головокружение от эпитетов, образности. Обязательно должен быть символизм, скрытые смыслы, неочевидный финал. Очень важен сюжет, к бессюжетным текстам мой организм невосприимчив.

— Стоит ли нам ждать книжных новинок, над чем Вы сейчас работаете? Конечно, было бы интересно узнать, какие темы Вам наиболее интересны как писателю?

— С новинками трудновато. Есть огромный текст — тетралогия. Ни одно издательство не в силах его проглотить: «Понимаете, читателя на такие темы нынче очень мало, кто будет тратить уйму времени на целых четыре тома». Жизнь ускоряется, людям привычнее отдыхать за листанием рилсов. Тем более мало кто будет читать исторический роман про столетнюю давность, нужно ведь знать эпоху, чтобы материал из книги мог гармонично восприниматься. Хотя в этой вековой давности, конечно же, сквозит наша современность. Помню, как закончил главу про февраль 1919-го, когда из Киева уходит Петлюра и город занимает Красная Армия. Через два дня объявили о начале СВО... В такие минуты ощущаешь, что история никуда не ушла, она циклична и мы бегаем по кругу. Как я уже сказал: не мы выбираем тему, она выбирает нас. Пусть лежит роман, дозревает что ли. Есть мечта написать про Смутное время, но понимаю, насколько это неподъемная ноша в реализации, да и все тот же отсутствующий читатель...

Игорь ГОЛУБЬ,
редактор журнала «Веретено»

РАССКАЗ-
газета
12+

Отпечатано
в ООО «Издательский дом «Тамбов»:
Тамбовская обл., г. Тамбов,
Моршанское шоссе, 14а.

Тираж 999 экземпляров
Заказ № 1402
Распространяется бесплатно
Точка зрения редакции
может не совпадать с мнением авторов статей

Редактор
О. В. АЛЕШИН
aow-18a64@mail.ru
Телефон 8 953 71-81-322

Наши
партнеры

АДВОКАТСКОЕ БЮРО
СЕЛИВЕРСТОВ
и партнеры

Торговое
предприятие
«МОЯ КНИГА»